

Юлия Фирсанова

Божественная охота

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Джокеры – Карты Творца

Юлия Фирсанова

Божественная охота

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Фирсанова Ю. А.

Божественная охота / Ю. А. Фирсанова — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Джокеры – Карты Творца)

Кто бы мог подумать, что странные видения и утренний визит Повелителя Межуровня в спальню богини любви выльются в грандиозные проблемы? Многие, разумеется. Но чтоб настолько... Вновь вертится колесо судьбы, вновь смеется над проделками богов Творец. По мирам несется одержимый жаждой боя, неистовый воитель Нрэн, чей рассудок помутился от ревности к могущественному сопернику. Идет по следу жаждущий темных развлечений принц-вампир Энтиор. Где-то на болотах Мэсленда чувствует поступь Рока загадочный маг-отшельник, ссорятся и мирятся боги Лоуланда, ходит ходуном сама Бездна, чей повелитель все более подпадает под власть женских чар Элии. Жертвы и охотники в любой миг могут поменяться местами. Возможно, в этой сумасшедшей круговерти событий лишь богиня любви сможет проследить цель и спасти дорогих ей мужчин, угодивших в ловушку охотничьего азарта.

© Фирсанова Ю. А., 2013

© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юлия Фирсанова

Божественная охота

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается моим дорогим читателям. Особая благодарность Татьяне Серебряковой, Елене Литвиновой и Luchia – за привязанность к миру Джокеров и помощь в борьбе за соответствие текста нормам и правилам русского языка

Глава 1

Вопросы во сне и наяву

Говорят, во многих мирах бесконечной Вселенной предутренние часы считаются не менее опасными, чем глубокая полночь. Именно это время избирают для посещения жертв самые темные мысли и самые безжалостные чудовища. Мрак в последнем приступе безнадежной тоски рвет души, расслабившиеся в ожидании грядущего восхода светила. Корчатся в приступах боли тела жертв, угодивших во власть кошмарных сновидений.

Как раз в эту пограничную пору в сладчайшую дрему принцессы Лоуланда, проведеншей большую часть ночи в полном соответствии с сутью богини любви, ворвался бархатный голос, полный обволакивающего мрака:

– Элия! Элия!

Богиня мгновенно открыла глаза и сквозь легкий флер занавеси балдахина разглядела хорошо знакомый силуэт самого ужасного создания, какому только доводилось ступать по Уровням с мига их сотворения. Впрочем, силуэт, если не вдаваться во внутреннюю его суть, был весьма симпатичным и мужественным. Но это его не извиняло!

– Демоны тебя побери, Злат, ты знаешь, который час? – мрачно спросила принцесса Лоуланда, садясь на кровати.

– Вряд ли твоё пожелание выполнимо, – вплотную приблизившись к ложу Элии, задумчиво констатировал Повелитель Межуровня и соответственно обитающих в этом ужасном месте демонов всех мастей. – Я тебя разбудил?

– Да-а-а. – Ответ богини превратился в протяжный зевок. – Надеюсь, основания для такого зверства были достаточно вескими?

– Вполне, – коротко кивнул мужчина. – Мне был сон!

– Однако! Такое иногда случается со всеми живыми существами, – осторожно пошутила принцесса, отдавая мысленную команду Звездному Набору облачить ее в халатик и уложить в прическу роскошный водопад медовых волос. – Или для тебя все иначе?

– Я имею в виду вещий сон, дорогая моя, – уточнил Повелитель с сухим смешком. – И суть его такова, что я решил посвятить тебя в содержание видения.

Нашарив тапочки, Элия кивком предложила визитеру пройти из полутемной спальни в будуар, освещаемый мягким светом магических шаров. Злат пропустил красавицу вперед, галантно отступил чуть в сторону, но не удержался от искушения и втянул ноздрями нежный аромат, исходящий от богини. Каким-то образом эта удивительная женщина ухитрилась построить их отношения так, чтобы не сделаться послушной игрушкой в руках Дракона Бездны, и что еще более странно, такое положение дел доставляло практически всемогущему монстру бездну удовольствия. Элия стала для него не просто любовницей, но и другом, к которому Злат, считавший себя вечным одиночкой, пришел сейчас за советом.

Запахнув поплотнее короткий чернильно-синий халатик, при этом умудряющийся быть еще и полупрозрачным, богиня откинулась на спинку диванчика. Разглядывая из-под полуприкрытых век «чудовище из бездны», облаченное в длинный по лоулэндской моде камзол темно-малахитового цвета с вычурными мэсслендскими застежками-пряжками, Элия промолвила:

– Внимаю. Поведай же, о Повелитель Путей и Перекрестков, что растревожило тебя настолько, что ты, заявившись в мою спальню среди ночи, стал настаивать на разговоре!

– Да уж, мало кому достанет силы воли вспомнить о беседе, коли он удостоится чести быть приглашенным в святая святых, – усмехнулся Злат, прекрасно осведомленный о том, на что способна обворожительная принцесса по части сведения с ума мужчин. – Но ты же знаешь, дорогая, у меня сильная воля.

– И не только воля, – согласно промурлыкала Элия, и пусть тон ее был игрив, но глаза оставались серьезными. Богиня любви и логики понимала, что шутки ради Злат не стал бы говорить о снах, и настроилась на важный разговор. Благо, что волею Повелителя в покоях принцессы теперь можно было без помех вести любые дела и произносить самые крамольные речи. Ограждая Элию, а попутно и самого себя от внимания ее досужих родичей, не менее любопытного, чем смертные, Источника Лоуленда и прочих потенциальных вуайеристов, Владыка Межуровня сплел на комнатах богини непробиваемую магическую защиту от всякого рода личностей, способных к подглядыванию и подслушиванию. Защита эта стала тем более актуальной, когда королевская семья в целом и принцесса Элия в частности выше ушек увязли в охоте за загадочными картами из Колоды Либастьяна – сумасшедшего художника, нарисовавшего Джокеров Творца и их ближайших подручных.

– Ты почти угадала, я редко вижу сны, и куда реже сны вещие, мое могущество в другом. Но на сей раз я почти уверен, что видение было истинным, и касалось оно Колоды Творца. – Повелитель Межуровня по-хозяйски раскинулся в кресле и, задумчиво потирая подбородок, начал рассказ:

– Я видел на самой окраине своих владений демона... – Тут Злат не то поперхнулся, не то выругался, но выданное им зубодробительное сочетание звуков никоим образом не было приспособлено к произнесению человеческим языком. Увидев явное непонимание на лице принцессы, Повелитель снисходительно уточнил: – У некоторых, довольно бездарных, кстати, авторов, которые тщатся описать и постигнуть Бездну своим скудоумным сознанием, демоны эти именуются сардраганами.

Вот теперь богиня уяснила, что речь идет о более чем двухметрового роста мускулистых тварях, которые, если не считать «обычного» арсенала ветвистых рогов, клыков и когтей, выглядят как чрезмерно накачанные и сказочно одаренные мужественностью «люди» с начисто содранной кожей. Милые эти создания считались типичными представителями Межуровня, то есть злобными, коварными и сильными тварями.

– Демон явно бежал к Сердцу Бездны, исполненный радостного торжества и столь же великого страха. Он желал что-то преподнести мне в дар и ждал награды.

– Я так понимаю, ты не часто даешь аудиенции столь ничтожным подданным? – уточнила богиня, стараясь вникнуть в суть.

– Верно. – Лицо Повелителя Межуровня на миг превратилось в маску застывшей надменности и всемогущей безжалостности и явно продемонстрировало принцессе, что совсем недаром Злата до жути боятся все демоны Бездны и признают его владычество. Даже в самом безобидном из своих обличий Повелитель Путей и Перекрестков мог быть воплощением чистого, как первый снег, ужаса. – А значит, демон стремился ко мне неспроста. Он очень спешил и утратил бдительность. На сардрагана напал встретившийся на пути чужак, судя по силе, бог с более высокого Уровня, чем твой. Рыцарь, с ног до головы закованный в белую гибкую броню из живой стали.

– Ого! – Элия присвистнула от удивления и даже уронила с ноги тапочку.

Живая сталь – доспехи столь же удобные, как и обычная одежда, меняющие форму, повиновующиеся малейшему движению владельца, стоили не просто очень, а безумно дорого, слыли большой редкостью и были практически непробиваемы. Вообще-то они считались абсолютно непробиваемыми, но Нрэн, никому и никогда не веривший на слово, проверил, и волшебные доспехи не выдержали удара его смертоносного меча.

– Демон не знал об особенностях доспехов и уж тем более не мог предполагать, что меч воина будет из синей лиоссы, – констатировал Злат. Принцесса понимающе хмыкнула. О том, что этот сплав смертельно ядовит для многих выходцев из Межуровня, Элия помнила. – Сардраганы очень сильны физически, не шибко умны, зато более чем самоуверенны. Демон решил, что легко справится с противником, и вместо того чтобы спастись бегством, кинулся

в драку. Он смог ударить рыцаря, однако доспехи выдержали, а сам сардраган получил удар мечом в живот, в самое уязвимое место. Умирая, демон испустил вопль, который на несколько минут оглушил рыцаря и разнесся далеко по Межуровню. Яд действовал очень быстро, но все-таки несколько секунд демон еще корчился, стараясь отползти от бесчувственного врага и вынуть нечто из разрубленной кожной складки-сумки на животе, чтобы спрятать понадежнее среди камней. Это казалось ему более важным, чем собственная жизнь. К несчастью, рыцарь очнулся и заметил потуги демона. Он выхватил из когтей умирающего неизвестный предмет и нырнул в открывшийся выход-воронку из Межуровня, возможно, тот самый, из которого прибыл. Прошло не более нескольких минут, и около трупa, разогнав жадных падальщиков, появился еще один воин. На сей раз в черных доспехах, тоже сделанных из живой стали.

– Однако, – снова хмыкнула Элия, конечно, верившая в совпадения и неслучайность всего сущего, но не до такой же степени!

– Это не все, дорогая моя, – мрачно усмехнулся Злат. – Воин пинком перевернул демона и, обыскав его сумку, извлек еще один предмет. После чего, отдав трупу прощальный салют, удалился. На этом видении мой сон завершился. Стоит ли говорить, что предметами, попавшими в руки рыцарей, были карты из Колоды Либастьяна?

– Чьи? – жадно полюбопытствовала богиня.

– Мне было дано узреть только рубашки карт, а не персон, на них изображенных. У Творца странное чувство юмора, – пожал плечами мужчина.

– Но тогда, может быть, и твое видение было лишь аллегорией о Колоде, чем-то вроде рассказа о противостоянии Сил Света и Тьмы, пытающихся перетянуть на свою сторону Джокеров? – предположила принцесса, нарисовав в воздухе какую-то светящуюся, абстрактную, как и ее версия, загогулину.

– Нет, малышка, – развеяв абстракцию одним дуновением, хмыкнул Злат и нахмурил густые брови. – После пробуждения я перенесся на место, явленное в видении, и увидел останки сардрагана. Даже мои сны не обладают столь четкой способностью к материализации.

– Это в корне меняет дело, – согласилась принцесса и перешла к обсуждению рассказа. – Пока по опыту общения с жертвами, удостоившимися пророческих видений, и по своим личным наблюдениям могу сказать одно: раз видение было явлено тебе, тебе и доверено решать, как нужно распорядиться информацией из высшего источника! Такова воля Творца, существующая объективно, сколько бы ты, Злат, в упрямой гордыне ни пытался ее игнорировать. Я со своей стороны обещаю переговорить с Нрэном по поводу доспехов из живой стали. Зацепка яркая. Возможно, он подскажет, в чьем обыкновении носить столь знаково окрашенные полные доспехи и кому они по карману.

– Ты могла бы не только поговорить со своим чокнутым кузеном, – выдвинул идею мужчины, невольно поморщившись при упоминании бога войны, которого сторонился не столько как реального соперника, сколько как душевнобольного с неадекватной даже на взгляд выходца из Межуровня реакцией на происходящее. – Припоминаю твой недавний рассказ о жиотоважской жрице-пророчице. Возможно, настало время нанести ей визит? Кто знает, не будет ли и ей по воле Творца даровано откровение, проливающее свет на загадку. – Злат даже не пытался скрыть сарказм в голосе.

– Или Ижена загадает нам десяток новых загадок, выдав какое-нибудь запутанное пророчество-головоломку, или вовсе не сможет воспользоваться своим даром для прозрения, или случится что-то вовсе непредвиденное, – закончила перечисление вероятностей сомнительного достоинства Элия, загибая пальчики. – Но ты прав, стоит попробовать посетить Жиотоваж с неофициальным визитом, и поскорее, пока труп твоего посланца еще свеж. Кстати, позволь уточнить, почему демон нес карты Повелителю Межуровня? Ты оповестил своих подданных о том, что ищешь Колоду Либастьяна?

– Я показал рисунок рубашки колоды и дал понять, что желаю иметь как можно больше таких картин. Подданным известно мое увлечение экзотическими коллекциями, а мотивами иными, чем моя прихоть, никто интересоваться не смеет, – с вальяжной небрежностью пожал плечами Дракон Туманов. – Уж не думаешь ли ты, дорогая, что я открыто объявил всему Межуровню о том, что я как Ферзь Джокеров добровольно возложил на себя обязанности собирать и хранить Колоду Творца?

– Относительно тебя никогда нельзя быть ни в чем уверенной, Злат, ибо твоя логика подчас весьма отличается от той, которой оперируют обыкновенные жители Уровней, – честно призналась Элия, нарочито скромно сложив ладони на коленях.

– И тем не менее ты почему-то всегда знаешь, что я сделаю, тебе каким-то образом удастся предсказать мои поступки, – задумчиво выгнул бровь Злат, вызывая Элию на откровенность этим полувопросом-полуконстатацией факта.

– Так ведь я не только богиня логики, но и богиня любви, – напомнила со смехом Элия, – там, где нет места разуму, помогают чувства. А все твои поступки прямо или косвенно связаны с ними, даже чудовище из Межуровня склонно поддаваться душевным порывам.

– Позволь в таком случае полюбопытствовать, что сейчас подсказывает тебе многогранный талант, а, богиня? – бархатным голосом поинтересовался Злат, вылетел из кресла и в мгновение ока переместился за диванчик, на котором сидела принцесса. Чуть зажмурив яркие малахитовые глаза, мужчина запустил сильные пальцы в волосы богини и начал играть длинными прядями цвета меда.

– Что мы сейчас ненадолго прервем разговор о делах, – улыбнулась принцесса, запрокидывая голову и подставляя для поцелуя губы, изогнутые в искушающей улыбке.

– Угадала, малышка, – возбужденно шепнул мужчина в алый бархат прелестных уст. – Только почему же ненадолго?

– Как вам будет угодно, мой лорд, – откликнулась Элия, в свою очередь запуская пальцы в роскошные черные кудри Повелителя Межуровня.

– Какая редкая уступчивость, моя дорогая леди! – восторженно удивился Злат, скользнув ладонью по плечу принцессы и ниже...

Чернильно-синий шелковый халатик богини и длинный камзол с модными пуговицами-пряжками остались на диване, а их хозяева переместились на мягкий ковер будуара и, несколько не стыдясь нежного света магических шаров, «прервали разговор о делах».

...Утро полностью вступило в свои права и даже начало приближаться к почетному званию дня, когда, как всегда без объявления пажом своего визита, в покои Элии вошел Нрэн, приглашенный принцессой по заклинанию связи.

Воитель только недавно вернулся из длительного похода и, стосковавшись по – назовем это обтекаемо – обществу богини, с охотой устремился на зов возлюбленной. В суровой душе нестигаемого мужчины жили две властные, поглощающие все его существо страсти: война и любовь к кузине. И ни в одной из них Нрэну не суждено было достичь утolenия. С бранного поля он спешил на ложе прекрасной богини, от нее снова бросался в бой. Но если воевать для принца было так же естественно, как дышать или ходить, и ни одна из сложнейших тактических или стратегических задач не вызывала у него затруднений, то любовь приносила скрытному мужчине не только величайшее наслаждение, но и безграничную муку. Он не мог заполучить предмет своей страсти в «вечное пользование», а потому терзался систематически одолевающими мыслями о будущем (как жить, если возлюбленная его отвергнет?) и приступами ревности в настоящем. Ему не давали покоя мысли о многочисленных, куда более красивых, ловких, изящных, языкастых и искусных в любви соперниках, претендующих на внимание богини. Когорта выматывающих душу дум оставляла принца лишь ненадолго, когда он сам был с Элией и вообще терял способность думать.

Но сейчас Нрэн почти улыбался, входя к кухне. Она позвала его, сама пожелала видеть! Как редко случалось такое! Куда чаще гордому мужчине приходилось почти вымаливать благосклонность непостоянной любовницы как подачку. В мучительном, каком-то мазохистском восторге-страдании ломать себя. Ему, грозному воителю, от одного взгляда которого обмирали, а то и умирали от страха храбрейшие люди, главнокомандующему, привыкшему к беспрекословному подчинению, доставляло тайное удовольствие подчиняться самому.

– Элия! – коротко позвал Нрэн, входя в гостиную для того, чтобы оповестить кухню о своем появлении, и, пользуясь временным уединением, тщательно принялся.

Именно таким способом без использования добровольных или платных осведомителей, запугивания очевидцев, заклятий слежения и изучения пестрого соцветия лоулендских слухов, касавшихся увлечений богини любви, воин выявлял своих соперников. Тонкое обоняние, вычленяющее тончайшие нюансы и оттенки совсем свежих и весьма старых ароматов, помогало подозрительному мужчине куда лучше всех вышеперечисленных методов. Во всяком случае, сам Нрэн считал этот способ безошибочным и не догадывался о коварстве принцессы, осведомленной о многогранных талантах кузена и время от времени удалявшей отдельные нити ароматов изящным заклятием. Однако почвы для ревности и подозрений увлекающаяся женщина оставляла мнительному любовнику предостаточно, а сейчас и вовсе не подумала ничего скрывать. В ноздри ревнивого Нрэна ударил мощный аромат силы Межуровня. Бог войны рефлекторно схватился за то место на поясе, где обыкновенно покоился меч, и издал тихий горловой рык.

Бывали среди мимолетных шалостей Элии такие, на которые даже маниакально ревнивый принц не обращал внимания. Ну что, спрашивается, взять с безумно влюбленного ничтожного безродного поэта или голосистого менестрелишки, которому подарили одну-единственную ночь счастья, обрекая на вечное томление? Таким Нрэн в чем-то даже сочувствовал, бешено же ревновал бог к тем, кого считал хоть в чем-то равными себе. Таковые находились частенько, ибо ни красавцем, ни изысканным кавалером воитель себя не числил. Меч бога разил без жалости, и конкуренты отправлялись в иную инкарнацию раньше срока. Но Повелитель Межуровня?! С этим могущественным чудовищем богу войны не потягаться. Как тут не заскрежетать зубами от злой ревности? Мужчина почти рехнулся от ярости, осознания собственного бессилия и того факта, что выкидыш Бездны сейчас здесь, в покоях Элии, и конечно же от фантастических домыслов о роде их занятий.

– Привет, дорогой, спасибо, что заглянул, – как ни в чем не бывало прошептала принцесса, выпархивая на зов кузена и ласково касаясь ладонью тонкой рубашки на его груди, светлой рубашки со шнуровкой, какие всегда нравились богине. – У меня есть к тебе парочка вопросов.

Легкое домашнее платье, запах Злата, легший на кожу Элии, перебивая аромат персикового мыла, и сам Повелитель Межуровня, последовавший из будуара вслед за принцессой, неся на себя явственный призыв ее силы, стали последней каплей, переполнившей чашу, красной тряпкой, хлестнувшей по самой морде разъяренного быка. Пелена гнева застлала рассудок принца.

– Мне не о чем разговаривать с подстилкой для твари Межуровня! – горько процедил Нрэн, отшатнувшись от теплой, нежной ладони богини и тут же, опровергая самого себя, выпалил в сердцах, пожирая безумными глазами цвета витаря ее фигуру:

– Как ты могла позволить этому чудовищу касаться себя? Легла под мразь из Бездны! Он же не то что не бог, даже не демон! Прекраснейшая богиня Уровней – игрушка в когтях твари тьмы!..

– А почему не в щупальцах? – скрестив руки, игриво поинтересовалась Элия, прерывая череду бредовых упреков разошедшегося любовника и украдкой бросая взгляды на Злата – как он там, не злится ли? Но Повелитель Путей и Перекрестков был абсолютно спокоен. Оскорбле-

ния бога войны не тронули мужчину, напротив, он разглядывал принца с отстраненным интересом и даже с крохотной капелькой сочувствия.

– Будь ты навеки проклята, ведьма! Я не желаю больше видеть тебя! Прощай! – резко заявил обманутый в лучших надеждах Нрэн.

Он развернулся и вышел, так громыхнув напоследок дверью, что несчастная жертва буйного темперамента бога рассталась с арочным проемом и рухнула на ковер гостиной, сделав заикой маленького пажа, прятавшегося в простенке прихожей.

– И это Ферзь Колоды Джокеров? – покачав головой, риторически спросил Злат, пока Элия сплетала заклятие восстановления целостности дверной коробки. – Не могу не повториться, у Творца странный вкус и еще более странное чувство юмора.

– На то он и Творец, чтобы быть непостижимым. Ничего, Нрэн переберется, соскучится и вернется, на коленях приползет. Не побрезгует «подстилкой для твари из Межуровня», – с абсолютной уверенностью в неотразимости собственных чар, навек приковавших сердце жертвы к мучительнице, бросила разозленная Элия, небрежно встряхнула кистями рук и осмотрела «воскресшую» дверь. Дерево, серебряные украшения-накладки, придававшие створкам кажущиеся легкость и стиль, и камень инкрустаций обрели былую гармонию целостности. Мимоходом утешающе потрепав по щеке перепуганного «представлением» пажа, богиня прикрыла створки.

– И тем не менее, пока ты, дорогая моя, осталась без советчика, – усмехнулся Повелитель. Он прохаживался по гостиной и касался кончиками пальцев то причудливой статуэтки на каминной полке, то шелка гобелена, то широкого обода напольной вазы, то лепестка свежей розы в ней, то бархатной спинки широкого дивана. Грациозной небрежностью движений Злат в очередной раз напомнил богине хищного зверя, изучающего чужое логово.

– Нрэн не единственный сводущий в оружию и доспехах бог войны в пределах этого замка, – огрызнулась принцесса, ее еще никогда в жизни не бросал мужчина, тем более в присутствии свидетелей. – Есть еще Дарис и Итварт...

– Готовые с охотой явиться на зов возлюбленной... – саркастически продолжил за Элию Злат.

– Кажется, Нрэн не успел тебя покусать, «чудовище из Бездны», так чего же ты язвишь и пытаешься меня подколоть? Или эта инфекция передается по воздуху? – удивилась женщина. Серые глаза подернулись надменным ледком.

– Извини, – с задумчивой небрежностью попросил прощения Злат и развел руками. – Наверное, я немного ревную. Нет, не к мужчинам, – Повелитель пренебрежительно усмехнулся уголком рта, – а к тому, что в твоей бурной жизни столько всего, что не касается меня. Даже богов войны под рукой, и то три штуки – целый набор... Впрочем, я не настолько кровожаден, чтобы подобно твоему безумному кузену жаждать изничтожить все то, что тебе дорого. Так что там с этими Дарисом и Итвартом? – Собеседник выгнул бровь, показывая, что ждет ответа.

– Они оба хороши, но Дарис с более высокого Уровня. Думаю, для начала стоит спросить его, – мгновенно смилостивившись над испросившим прощения кавалером, ответила Элия, присаживаясь в кресло. И сплела заклятие связи.

– Прекрасное утро главному стражу Лоуланда! – тепло поздоровалась принцесса с начальником королевской стражи. – Можно получить маленькую консультацию?

– Прекрасное утро, моя принцесса, – отозвался широкоплечий шатен, отрывая голову от бумаг. Бог говорил из своего кабинета, где вершил самый ненавистный для воина бой – сражение с документацией, без работы с которой не могла обойтись ни одна мало-мальски значимая должность. Элия не стала сужать радиуса действия чар связи, и речь Дариса была прекрасно слышна Злату. – С радостью отвечу на любой вопрос прямо сейчас, если консультация займет несколько минут, или чуть позднее, после того как проведу смотр стражи.

– Думаю, нескольких минут нам хватит, а если нет, то продолжим потом, – согласилась принцесса, таинственно улыбнувшись, и сделала рукой приглашающий жест, предлагая воину переместиться в ее покои, дабы соблюсти конфиденциальность разговора.

Дарис исполнил ее волю. Воин коротко поклонился богине, отметил, что в гостиную присутствует Повелитель Межуровня, и в немом настороженном вопросе устремил пронизательный взгляд карих глаз на госпожу своего сердца. По виду Элии нельзя было сказать, что ей угрожает опасность, но вдруг принцесса искусно спрятала свои чувства?

– Все в порядке, дорогой, мне действительно нужна лишь консультация, – догадавшись о мыслях мужчины, сердечно улыбнулась Элия. – Злат не слишком сведущ в обычаях Уровней и не знал, к кому, кроме меня, обратиться с одной маленькой проблемой.

Дарис кивнул, показывая, что внимательно слушает.

– Одного из его слуг-демонов прямо в Межуровне убил рыцарь в абсолютно белых доспехах из живой стали, вооруженный мечом из лиоссы, а прямо по пятам за этим сияющим белизной воином следовал другой – черный, как ночь, но в столь же редких доспехах. Подскажи, не известно ли тебе, у кого в обычае и кому по средствам носить столь дорогие и странно одноцветные латы? Повелитель не стал бы поднимать шум из-за одной смерти, но по надежному свидетельству у демона были похищены достаточно редкие вещи, которые он намеревался передать своему господину, – по возможности коротко сформулировала вопрос богиня, обосновав и причину обращения к Дарису, и необходимость сохранить разговор в секрете.

Воин поразмыслил несколько секунд, покусывая костяшки пальцев и прохаживаясь по ковру, а потом, повернувшись к своей госпоже, ответил:

– Я не вижу причин держать свои догадки в секрете. Кем бы ни были напавшие рыцари, они преступили закон: убили и ограбили демона в его вотчине. На моем Уровне, как правило, полные доспехи из живой стали без эмблем и официальных плащей надевали высшие эмиссары Темного и Белого Братств, отправляющиеся в рыцарские странствия. Здесь я ни с чем подобным не сталкивался. Вот и все, что знаю. Вряд ли моя информация существенно поможет сузить круг поисков.

– Значит, Братства... – нахмурился Злат и потер подбородок, просчитывая вероятную степень осведомленности неизвестных, вступивших в игру.

– Или кто-то, маскирующийся под их эмиссаров, – выдвинула еще одну версию принцесса, одарив Дариса благодарной улыбкой, официальным благосклонным кивком и неофициальным намеком в глазах.

– Исключать такую возможность не стоит, но, – воин помешкал, подбирая доводы, – ты говорила о том, что нападение произошло в Межуровне. Не думаю, что у кого-то другого хватит наглости на столь дерзкий разбой.

– Грабил белый, черный только обобрал труп, – иезуитски уточнил Злат.

– Что вполне соответствует манерам действий обоих Братств, – неожиданно ухмыльнулся Повелителю Межуровня Дарис, показывая, что не испытывает ни малейшего уважения к вышеназванным организациям.

– Ты знаешь, кто возглавляет Братства? – спросил Дракон Бездны, раздумывая, не начать ли ему поиск украденного с «главарей банд».

– Нет, – признался воин. – Мне известно не больше, чем всем остальным. Братства – огромные организации, их местные представительства находятся на многих Уровнях. Белое возглавляет Совет, Темное – Верховный маршал. Но где и как их искать? – Воин пожал могучими плечами. – Я никогда не задавался этим вопросом и не желал связываться с ними. В эту гигантскую паутину, не важно, какого она цвета, стоит только влипнуть, и уже не сможешь выбраться никогда. Слышал, Братства принимают в свои ряды ищущих их фанатичных неофигов, но, как правило, сами через наделенных определенными полномочиями рыцарей предпочитают делать предложения тем, кого считают достойными. Впрочем, в Лоуленте я не знаю

никого, принадлежащего к этим организациям, да и меня никто не пытался соблазнить членством в Братстве.

– А в Альвионе? – поняла намек Элия.

– Там мною как-то интересовалось Белое, но я дал понять, что не вижу смысла в сём служении, – признался Дарис, задумчиво улыбнувшись. – Жаль, что вы не помните свои прошлые инкарнации. Могли бы расспросить Нрэна. Именно он предлагал мне Тропу Света.

Элия невольно рассмеялась над комизмом ситуации, живо представив, как ее бывший супруг проводил агитационную работу с ее же любовником, и как себя чувствовал в это время Дарис, искавший подвох в каждом слове Нрэна, не ведавшего о своих ветвистых рогах.

– Я рассказал тебе все, что знал, моя принцесса. Быть может, принц Нрэн знает больше. Расспроси его, а мне, с твоего разрешения, пора идти, – констатировал воин.

– Спасибо, дорогой, в Нрэне нет нужды, ты очень помог нам, – поблагодарила мужчину богиня любви, мановением руки позволив ему удалиться и даже не потребовав у любовника клятвы молчания. Дарис и так не проронил бы о разговоре ни слова.

– Братства... – задумчиво хмыкнул Злат, прежде мало вникавший во внутренние дела Уровней, и поинтересовался мнением женщины: – Что скажешь, Элия?

– Прежде чем начнем искать монетку в сокровищнице дракона, нужно, как ты и советовал, навестить Жиотоваж, – предложила принцесса, поднимаясь с кресла и одновременно приказывая Звездному Набору облачить ее в более подходящее для путешествия одеяние.

– А если не поможет? – уточнил Повелитель.

– Тогда вызову Рика с Клайдом и попрошу помощи, пусть наши сплетники поработают, – решила Элия, разглядывая в зеркале свой наряд.

Драгоценные нити сапфировых и сиренитовых мелких роз в серебряной оправе перевили тяжелые локоны, глубокая синева нижнего платья с белым кружевом и сиреневое верхнее одеяние производили именно то впечатление, какого желала добиться принцесса: высокородная леди, отправляющаяся с полуофициальным визитом.

Злат подал Элии руку, и пара шагнула в зеркальный водоворот тьмы, взметнувшийся из-под ног Повелителя Путей и Перекрестков, имеющего власть над всеми дорогами Вселенной. Следующий шаг мужчина и женщина сделали уже в ином пространстве. Правда, оно несколько не походило на Мир Грани, погруженный в загадочные фиолетовые туманы, гораздо сильнее пространство напоминало пресловутый зал Повелителя Межуровня – скорее всего потому, что и являлось таковым.

– О, мой дорогой лорд! Смеем заметить, что сии роскошные апартаменты вряд ли находятся в Жиотоваже! – нахмурилась Элия и качнула головой в сторону трона Повелителя, который весьма живописно смотрелся в обрамлении малахитовых панелей с драгоценными камнями и огромных окон, являвших и притягательно-идиллические, и мрачные виды десятков миров. – Уж не приготовили ли вы мне в своем великом коварстве ловушку? Заманили в самое Сердце Бездны с намерением извлечь мою суть из брэнного тела и присоединить ее к вашей коллекции душ, заточенных в драгоценные камни!

– Мм, ваше высочество весьма лестного мнения о моем коварстве, – гордо заулыбался и приосанился Злат, – но должен признаться, столь вдохновенный злодейский план не соответствует моим эстетическим запросам, ибо дивная форма, в которой ныне пребывает душа принцессы Элии, прельщает меня куда более самого изысканного драгоценного камня... Вообще-то я собирался сделать тебя жемчужиной своего гарема!

– Какого гарема? – Наигранное ревнивое возмущение принцессы, упершей руки в бока и наступавшей на Повелителя, было столь комичным, что Дракон Туманов не выдержал и от души расхохотался. Наверное, впервые с мига сотворения Бездны в зале прозвучали столь несвойственные Межуровню звуки. Отсмеявшись, мужчина шагнул к богине, поцеловал ее в лоб, прижал голову красавицы к своему плечу и удивительно мягко сказал:

– Спасибо, ты научила меня настоящему смеху без горечи и ехидства, я не думал, что смогу вспомнить, каково это – смеяться потому, что весело. Здесь такое – небывалая редкость.

– Наверное, это происходит потому, – серьезно предположила принцесса, – что ты мало кого можешь рассмешить.

– Да? – «искренне огорчился» Злат, поставил густые брови беспомощным домиком и растерянно протянул: – А я считал себя таким забавным...

– Увы! – поддержала игру Элия, сочувственно похлопав мужчину по плечу. – Наши собственные представления о себе далеко не всегда соответствуют тому, что думают о нас окружающие. А зачастую так и прямо противоположны общественному мнению. Бороться с этим бесполезно, так что остается смириться.

– Придется, – «скорбно» согласился Повелитель. – А что касается того, почему мы здесь, я предложил бы предварительно изучить обстановку в Жиотоваже через мои окна и выбрать подходящие место и момент для появления. – Злат махнул рукой на магические арки гигантских окон, занявшие все стены. В них отражались именно те пейзажи, какие желал зреть Повелитель, и менялись они по его воле с такой же легкостью, с какой шулер тасует колоду карт.

– Логично, – признала Элия. – Начни с храма Кристалла Авитрегона, Великого и Благостного. Если жрицы там не будет, осмотрим окрестности, Бэль рассказывала, что ее подруга любит гулять по саду у храма.

Злат подошел к ближайшему окну с идиллической пасторалью: синяя сочная трава, зеленое бездонное небо с пушистыми облачками, розовые овечки и рогатый пастух, вместо кнута пощелкивающий длинным хвостом с кисточкой на конце. Стоило Повелителю Межуровня коснуться дланью оконной рамы, как картина тут же изменилась. Вместо овечек перед глазами появился огромный зал с высокими стройными колоннами из белого искрящегося мрамора. Прозрачный хрустальный купол пропускал солнечный свет, преломляя его сотнями ярких брызг, дробящихся в искристом камне стен, пола и фокусируя ослепительным огнем в сердце гигантского кристалла, сияющего на алтаре. В этом свете даже пестрая толпа, наводнившая помещение, казалась не более чем сборищем букашек, облепивших восхитительный белый цветок. Из общей массы выделялись лишь три изящные фигуры, кружащиеся в замысловатом танце перед Кристаллом Авитрегона. Через секунду к эффектной картинке добавился звук: перезвон колокольчиков, нежные голоса флейт и глухой ритм, выбиваемый шайтистами. Три жрицы исполняли ритуальный танец, четко следуя причудливой мелодии. Первой была наряженная в ярко-красное как полыхающий закат платье красивая зрелая женщина с едва заметной сеточкой морщин. Второй – молодая, только вступившая в пору цветения девушка в насыщенно-синем одеянии. А третьей – совсем крохотная девчушка едва ли десяти годов от роду в пронзительно-зеленом, до безобразия коротком наряде. Каждое из роскошных и ярких одеяний, дополненных массой блестящих и звенящих украшений, обнажало одно плечо танцовщиц, где переливалась маленькая голограмма, изображающая Кристалл.

– И которая из этих клейменных девиц пророчица Ижена? – поинтересовался Повелитель Межуровня, вспомнив рассказ Элии о забавных религиозных обычаях Жиотоважа.

– Ее здесь нет, – в легком замешательстве отозвалась богиня. – Странно. Я вижу трех жриц, но не пророчицу. Не понимаю, что же произошло? – Принцесса принялась рассуждать вслух, машинально потирая подбородок: – Рик опутал храм таким количеством охранных заклятий, что случись там что, мы бы мигом узнали. Я вижу в храме Магжу, – Элия соткала из эфира светящуюся указку и направила ее на женщину с роскошными формами, некогда прельстившую самого Лимбера, – Яворека и Даличку. – Указка принцессы переместилась к апатичного вида кавалеру неопределенного возраста и столь же неопределенной наружности и к еще одной, на сей раз высокой и черноволосой красотке с цепким взглядом умной стервы. – Все Высшие вары в сборе, нет только Мичжеля. Скажи, Злат, – в голове богини забрезжила

туманная догадка, – а твои окна могут показывать только местность или им можно приказывать явить образ конкретного человека?

– Можно все, что я пожелаю, – благосклонно согласился мужчина и вновь коснулся рамы тонкими пальцами, и легкого нажатия которых достало бы на то, чтобы сломать хребет самому громадному демону.

Без всяких театральных эффектов (магия Повелителя, как правило, была почти незаметной, но необычайно эффективной и в большинстве случаев смертоносной) изображение в окне вновь сменилось. На сей раз наблюдатели увидели не храм, а большой фруктовый сад. Ветви раскидистых яблонь и слив сгибались под тяжестью плодов. Яркие, крупные красные, розовые и пестрые яблоки; синие, фиолетовые, красные, бордовые, желтые и черные сливы распространяли одуряющий аромат, через проем окна он донесся до Злата и Элии дивным и аппетитным благоуханием. В саду стояла ажурная синяя беседка, увитая темной зеленью плюща. А уж в ней принцесса обнаружила свою потерю. Вар Мичжель и жрица Ижена сидели на скамейке и за обе щеки уплетали спелые сливы с большого фарфорового блюда. Кроме совершенно счастливых и словно светящихся внутренним светом лиц сладкой парочки (Мичжель отнюдь не казался тем безразличным и вялым типом, какого строил из себя в Лоуленде) принцессе бросился в глаза наряд Ижены – зеленое платье, затканное вышивкой, с изображением пышных белых цветков сливы. Платье имело соблазнительно низкий вырез, но полностью прикрывало оба плеча. Пока богиня озадаченно хмурилась, Мичжель взял с блюда плод, сочащийся соком, и, хитро улыбувшись, засунул его в ротик девушки со словами:

– Тебе, моя сладкая женушка, самая сладкая слива! И мне пора бежать, ведь Даличка с Явореком голову снимут, коли на заседание опоздаю, и так уже службу в храме пропустил! А зачем тебе безголовый муж?

Ижена проглотила сливу и, тряхнув своими многочисленными косичками, прыснула в ладошку:

– Скажешь им, что мы возносили хвалу Творцу и Кристаллу иным, не менее угодным, чем молитва, способом! Беги! Только возвращайся поскорее, я скучать буду! И голову приноси назад, разрешаю тебе терять ее только от любви ко мне!

– Конечно! – Глаза Мичжеля весело блеснули, он на прощанье подарил юной супруге долгий поцелуй и умчался.

Злат едва слышно хмыкнул и пессимистически констатировал, скрестив на груди руки:

– Творец нас обставил и тут. Пророчица влюбилась и лишилась жреческого сана.

– Возможно, ее талант не зависел от благословения храма Кристалла, – ухватилась за слабую надежду принцесса. – До своего визита в Лоуленд Ижена делала предсказания, касающиеся лишь Жиотоважа. Есть небольшой шанс, что ее пророческий дар и откровения о Колоде Творца исходили из иного источника, нежели прежние изречения, и источник этот не оставил ее своим покровительством после сложения сана, как не оставил после утраты девственности. Стоит попробовать!

– Каким образом проведем испытание? – уточнил мужчина, выгибая бровь.

– В нашем случае в пророческий транс Ижена каждый раз впадала во время физического контакта с персоной из Колоды Джокеров. Тебе стоит дотронуться до нее и посмотреть, что получится. Только, – Элия коротко улыбнулась, оценив эффектную мрачность самого Повелителя Межуровня и его апартаментов, – если мы переместим ее в твои владения, то получим обыкновенный обморок без всяких пророческих последствий. Страху в Бездне девочка успела натерпеться порядком.

– Значит, отправляемся в Жиотоваж. Мой облик, надеюсь, в достаточной мере импозантен для того, чтобы сие хрупкое создание не скончалось от ужаса в один момент? – хмыкнул Злат, иногда слегка устававший от того, что является самым ужасным созданием во Вселенных.

– Думаю, несколько минут она продержится, особенно если мы с тобой устроим небольшой розыгрыш, – рассмеялась принцесса и поделилась с Повелителем Межуровня своими соображениями.

– Неплохо придумано, – одобрил Злат сценарий.

Глава 2

Куда приводят намерения

Потеряв голову от ревности, в безнадежном отчаянии и столь же беспросветной ярости, захватившей его душу, Нрэн пронесся по замковым коридорам как неистовый торнадо. К счастью, по пути богу никто не встретился. Воин ворвался в свои покои, захлопнул дверь и замер, тяжело дыша.

Все в комнатах Нрэна было сделано так, чтобы навевать покой и сохранять душевное равновесие: длинные циновки и коврики с геометрическими узорами, напольные вазы с композициями из сухих веток, травы и цветов, расписанные умиротворяющими пейзажами ширмы, невысокая (для рослого принца) мебель, песочные и светло-коричневые, зеленые и охристые натуральные цвета тканых обоев и мягкой мебели.

Но, как обычно после беседы с Элией, психике принца оказалось глубоко наплевать на оздоравливающий эффект обстановки. Бог был несказанно зол, и эта безнадежная злость требовала выхода, хоть какого-то выхода. Он не мог убить Элию или вызвать ее на дуэль, ничего не дала бы попытка проделать то же самое с Повелителем Межуровня.

Нрэн заметался по комнатам, до деталей вспоминая мгновения своего визита к изменнице. Стоило ли так стараться, чтобы угодить ей? Какой он идиот!!! Нацепил ремень с новой пряжкой (Элия с удовольствием изучала замысловатые изгибы золотого плетения!), рубашку со шнуровкой (как она играла с завязками!), отрастил волосы куда длиннее, чем обычно (все только потому, что пальчики принцессы любили перебирать мягкие светлые пряди!). Бог с ожесточением сорвал с себя проклятую рубашку, разорвал завязки, расплющил, сжав пальцами, драгоценную пряжку, на изготовление которой потратил семь часов, сорвал заколку для волос и тряхнул головой. Злость нисколько не утихла. Случайно на глаза воину попались зеркало и собственное ненавистное отражение в нем – упертая физиономия типичного солдафона с безумными глазами, не то фанатика, не то самоубийцы... всклокоченные волосы, словно выбившись из привычного повиновения, дыбом стояли вокруг головы.

«Урод! Как можно любить и желать такого!» – мрачно подумал Нрэн и, осененный внезапной мыслью, с каким-то мстительным удовольствием хлопнул в ладоши, вызывая молчаливого и незаметного как тень слугу.

– Ножницы, бритву, – отдал резкий приказ бог.

Несмотря на свою незаметность, тугоухостью слуга принца не страдал. Не прошло и нескольких секунд, как маленький сухошавый скуластый человечек предстал перед прошеествовавшим в ванную комнату богом с раскрытым несессером в руках.

Нрэн схватил ножницы и не глядя, одним резким движением отхватил длинный хвост волос. Сбросив пряди на специальный поднос у раковины, где они вспыхнули бездымным золотым огнем и опали горсткой мельчайшего пепла, мужчина опустился на низкий табурет и отдал очередной приказ:

– Брей налысо.

Молчаливый слуга достал бритву и чашечку для пены. Ему и в голову не пришло спросить, с какой это стати богу приспичило совершить над собой столь странный акт вандализма. Это лопухий камердинер Рика, получая абсурдное задание, мог язвительно поинтересоваться, в своем ли уме его высочество, не перебрало ли давеча вина и не уронило ли что-то себе на рыжую башку, а слуги Нрэна никогда не задавали вопросов. Если господин пожелал, значит так правильно и так лучше для господина, так тому и быть.

Сноровисто орудуя посеребрённым лезвием, слуга практически молниеносно очистил голову Нрэна от остатков поросли и стряхнул отходы все на тот же поднос, уничтожающий частицы плоти бога без лишних шума и запаха.

Его высочество жестом отпустил прислугу и, глянув на свое лысое, как коленка, отражение в ростовом зеркале, угрюмо усмехнулся: «Погляди теперь на меня, Элия! Каков красавец!» Отражение ответило на мрачную усмешку хозяина, но на душе у Нрэна легче не стало. Хотелось все крушить, убивать любовников кузины, выть в голос, снова явиться к принцессе и... Принц могучим усилием воли постарался изгнать из души мысли о предательнице и решил заняться важными делами, например вспомнить об обязанностях опекуна и навестить принцессу Мирабэль.

Надев темно-коричневую, самого мрачного оттенка, какой только нашелся в шкафу, рубашку и перевязь с мечом, его высочество двинулся к покоям младшей сестры, расположенным по соседству с его собственными, – для инспекции.

Как обычно, без предупреждения, воин резко распахнул дверь в комнаты Бэль и по традиции застал сестренку за преступным занятием. Юная принцесса лежала на ковре и, болтая в воздухе ногами так, что юбка задралась к самой попке, читала здоровенную книгу. С одного бока к девушке прижималась огромная спящая пантера, питомец Элии – Диад, с другого, свернувшись клубочком, посапывала, прикрыв нос пушистым кремовым хвостом, кошка Таиса. По худенькой спинке эльфиечки прыгал, мурлыкая что-то умиротворяющее, круглый пушистик – дикати Дик.

– Бэль! – раздался с высоты строгий голос.

Дик, подпрыгнув в последний раз, издал высокую недовольную трель, выпучил испуганные темно-фиолетовые глаза и, скатившись со спины хозяйки, спрятался между ней и Диадом. Пантера вздрогнула, но не двинулась с места, только нервно дернула хвостом, Таиса пулей шмыгнула под диван. Бэль совершенно спокойно подняла голову от книги и широко распахнула любопытные карие глаза при виде свежельсого брата. Насупив тонкие брови, эльфиечка недовольно спросила, подперев кулачком подбородок:

– Чего?! И что у тебя с головой?

Прошли те времена, когда от одного окрика сурового брата маленькая принцесса готова была задрожать и съежиться в комочек. Страшный и страшно занудливый Нрэн перестал быть для девушки авторитетом и воспитателем еще несколько лет назад, теперь его терпели как неизбежное и докучное зло.

В свои тринадцать лет Бэль полагала себя достаточно взрослой и самостоятельной для того, чтобы игнорировать «воспитательные проповеди» старшего брата и искать помощи у Элии в борьбе с тиранией бога войны. Обычно сестра помогала ей весьма охотно и принимала в любом споре сторону малышки. Не удалось эльфиечке только отстоять свое право в тринадцать лет быть представленной высшему свету Лоуланда на балу. Нрэн счел Мирабэль недостаточно взрослой для светских мероприятий и, воспользовавшись правом опекуна, затянул изоляцию сестры еще на три года, до второго девичьего совершеннолетия – шестнадцати лет. И Элия согласилась с кузеном, конечно, руководствуясь своими соображениями и желая еще ненадолго продлить детство веселой, весьма легкомысленной и доверчивой сестрички перед тем как та окупнется в циничный и жестокий мир высшего света, познакомится с подлостью, лицемерием и предательством, от которых девочку защищали любимые братья.

– Ты неподобающе себя ведешь! – проигнорировав второй вопрос малявки, твердо провозгласил Нрэн, всерьез полагая, что вершит благое дело наставничества. – Принцессе не подобает валяться на ковре в обществе животных!

– А мне нравится! И Элия часто на ковре книги читает и просто так лежит! – вызывающе фыркнув, вздернула носик Бэль, к счастью, не заметив некоторой двусмысленности в формулировке брата, на которую не преминула бы обратить внимание богиня любви.

При имени кухни Нрэн вздрогнул как от удара и еще более помрачнел. Излучаемые возбужденным воителем эмоции кнутом хлестнули по чуткой восприимчивой психике юной богини-эмпатки. Невинную девушку передернуло, и она, совершенно не думая, что именно и как говорит, вскочила на ноги, сжала кулачки и яростно выпалила, сглотнув подступивший к горлу комок:

– А если ты с ней поссорился, лысое чудовище, нечего на мне злость срывать! От тебя несет такими колючими и темными чувствами, что меня тошнить начинает! Как ты только можешь так думать об Элии! Чего она тебе такого плохого сделала?!!

Нрэн захлопнул рот, словно получил удар под дых, малиновые пятна яркого румянца выступили на скулах мужчины. Бэль знает, что он чувствует?! Принц мгновенно свернул заготовленную нравоучительную тираду – какие уж тут проповеди, когда твою похоть чувствует ребенок, – и телепортировался за дверь.

Бэль глубоко вздохнула, успокаиваясь, и удивленно покачала головой. Девушка не ожидала от своих слов такого эффекта. Надо же! Кажется, Нрэн чего-то сильно испугался! Знать бы еще – чего, чтобы можно было так прогонять его каждый раз, когда он будет приставать с какой-нибудь нудной ерундой!

Почувствовав, что гроза миновала, из-под кровати выбралась Таиса, глаза Дика стали ярко-зелеными, он запел что-то умиротворяющее, Диад широко зевнул и снова задремал. Бэль вернулась к изучению книги по магическому целительству, рекомендованной в качестве дополнительного пособия учителем магии лордом Эдмоном.

А Нрэн, чью душу властно рвали на части неистовые ревность, обида, злость и стыд, стремительно помчался назад в апартаменты. Как обычно, случай сыграл против бога традиций. Принц Клайд, бог магии и информации, «родившийся» как вторая половина разделенной Силами души принца Рикардо, завернул домой, чтобы прихватить пару нужных вещичек, и в коридоре нос к носу столкнулся с кузеном. Лысый и пятнисто-красный Нрэн произвел на первого сплетника Лоуленда поистине сногшибательное впечатление. На несколько мгновений рыжий Клайд, перехвативший у Рика эстафету распространения слухов, даже потерял дар речи и обрел его только тогда, когда кузен успел удалиться от него на приличное расстояние. Восстановив способность к членораздельной речи, принц тут же не преминул ею воспользоваться. Ехидный проныра счел расстояние до бога войны в меру безопасным и крикнул:

– Классная прическа, Нрэн! Тебе здорово идет, и вши в походах досаждают не будут! – и тут же телепортировался прочь.

Но грозный бог почти не слышал болтуна. Он был одержим одной мыслью – поскорее убраться прочь из Лоуленда, где его бурные чувства способна увидеть даже маленькая сестренка, убраться куда-нибудь подальше от любых живых существ, чтобы в уединении вырвать из сердца даже память о прекрасной Элии, забыть ее навсегда и вернуться к прежнему абсолютному покою.

Быстро собрав вещи и оружие, которое бог войны считал куда более важным, чем одежда и хлеб насущный, Нрэн перенесся в конюшню и, разогнав конюхов, лично начал седлать огромного коня весьма странной пятнистой расцветки. Серые, бурые, черные и песочные пятна делали животное похожим на маскировочный плащ, но даже они не могли скрыть дивную статью зверя. Породистое животное именовалось впятеро длиннее хозяина – Гремдердирондидашем, но даже приверженец традиций Нрэн звал его просто Гремом не только ради того, чтобы не ломать язык, но и затем чтобы не становиться предметом насмешек: хорош принц, чье имя по сравнению с именем коня звучит как короткая кличка.

– Теперь я выгляжу достаточно безобидно? – спросил Злат Элию после нескольких минут манипуляций со своей внешностью, заодно создавая зеркало для детального обозрения собственного облика.

– Нет, – честно призналась принцесса и развела руками. – Такого тебе не дано! Но все, что можно, мы сделали!

Злат сменил свои пышные одеяния на скромный темно-коричневый длиннополый камзол без шитья с бронзовыми пуговицами, длинные кудри собрал в хвост и скрепил простой костяной заколкой, с пояса убрал ножны со смертоносным клинком. Но ничто не могло приглушить гордый зеленый огонь Бездны в глазах Повелителя Межуровня, сгладить капризный изгиб смоляных бровей, расправить ироничную складку у губ и изменить властность повадки.

«Впрочем, – решила принцесса, – мало ли кто нанялся ко мне в услужение ради шанса завоевать благосклонность богини любви. Это знают даже Силы, а заклятие отвода глаз оградит нас от излишнего любопытства».

«Замаскировав» в целях конспирации грозу Уровней, парочка шагнула в окно, открытое в жиотоважский сад Мичжеля. У самой беседки, на тропинке, посыпанной мелкой пестрой галькой, появились два силуэта, и Ижена, ойкнув от неожиданности, подавилась сливой. Злат, поспешно метнувшись к пророчице, легонько стукнул ее по спине, ликвидируя затычку в горле, и девушка откашлялась. Она не заметила того, что ее визитеры обменялись короткими разочарованными взглядами – первый тактильный контакт, очевидно, не способствовал наступлению пророческого транса.

– Прости, милая, – сказала Элия, когда мужчина, как и подобает вышколенному слуге, отступил на два шага и застыл позади богини. – Я вовсе не планировала тебя пугать!

– Я не испугалась, – вскочив с гибкостью прирожденной танцовщицы и подбежав к богине, с неподдельной радостной горячностью в голосе затараторила Ижена. – Просто удивилась! А вы телепортировались прямо сюда? А надолго вы к нам в Жиотоваж? А как поживает Бэль? Ой, как жалко, что Мичжель только-только ушел! Он бы тоже обрадовался!

«Не сомневаюсь!» – усмехнулась принцесса, вспомнив, как шарахался от нее юный вар, запуганный приятелем Элегором, боясь ненароком влюбиться.

– Вы знаете, мы поженились в начале осени! Кристалл отпустил меня! Я больше не жрица, голограмма исчезла, теперь я просто вара, жена Высшего вара! Я по храму скучаю немножко и по подругам, но Мичжель такой хороший! А танцевать я и здесь могу сколько хочу!..

– Прекрасный день, Ижена! – благосклонно кивнула принцесса, прерывая бурный поток речей непосредственной девушки. – Именно потому, что ты соединила нить своей души с нитью Мичжеля, я и прибыла в Жиотоваж. Отрадно, когда те, кто следует зову собственной души, обретают счастье.

– Это же вы мне сказали слушать, что скажет оно. – Бывшая жрица положила ладошку на крепкую грудь. – Я и послушалась! И все само собой получилось! – Ижена расплылась в мечтательной нежной улыбке влюбленной и любимой женщины. – Я так счастлива, что иногда кажется, еще капелька – и просто умру!!!

Богиня любви выслушала типичный бред влюбленной со всепонимающей мудрой улыбкой на устах и ответила как подобает:

– Следующие зову души благословенны. Я расскажу принцессе Мирабэль о твоём браке с варом Мичжелем. Думаю, она не меньше меня порадует за подругу. Прими от меня на память малый дар с пожеланием счастья, пусть ваши чувства не угаснут с годами.

Элия сделала знак рукой, и Злат выступил вперед, держа в руках небольшую бархатную коробочку. Мужчина щелкнул замочком, и любопытному взору Ижены предстали два колечка на красной подушечке. Восхищенный вздох и еще более порозовевшие щеки девушки ясно дали понять: подарок пришелся по сердцу. Пальчики ее словно сами собой потянулись к украшениям и конечно же невольно соприкоснулись с руками Злата, поддерживающего коробочку, но никак не отреагировали на столь тесный контакт с Ферзем Колоды Джокеров. Куда больше Ижену интересовали серебряные колечки с блестящими камешками: изумрудом и шантарем.

Оправа была сделана столь искусно, что казалось, две крохотные серебряные ладошки бережно поддерживают трепещущее сердце.

– Благодарю! – Девушка благоговейно приняла коробочку из рук Повелителя Межуровня, не удостоив его даже взглядом. Вся признательность досталась богине любви. – Какая красота! Мы с Мичжеом обязательно станем носить их в знак нашей любви! Наверное, будет правильно, если я надену ему кольцо с шантарем, а он мне отдаст изумрудное!

– Поступай, как сочтешь нужным, – снова выдала фирменную покровительственную улыбку Элия, повторила напоследок: – Будь счастлива, дитя! – и растаяла в воздухе вместе со своим сопровождающим.

Они снова возникли в покоях Повелителя у окна в Жиотоваж. Злат чуть тронул раму, и изображение забавляющейся с побрякушками девушки сменилось мрачным скалистым пейзажем в серо-синих тонах.

– Пустая карта, девица лишилась пророческого ока, – разочарованно хмыкнул мужчина, подводя итог встречи с Иженой и возвращая себе прежний франтоватый облик. – Да, кстати, маскировка моя оказалась куда удачнее, чем ты думала.

– Сомневаюсь, – фыркнула Элия. – Просто Ижена настолько влюблена в супруга, что совершенно не замечает других мужчин, какими бы могущественными и красивыми они ни были. Эффект новизны, знаешь ли, чувства еще не успели притупиться.

– Однако, – задумался об особенностях восприятия реальности женскими особями человеческой расы Злат и заключил: – Вы, живые существа Уровней, такие занятные.

– О, мы можем быть очень разными, – с какой-то подозрительной покладистостью согласилась принцесса. – И не всегда слово «занятный» в полной мере отражает черты наших характеров. Впрочем, я не спорю, все зависит от точки зрения. Как знать, не считает ли кто-то там наверху самой занятой своей игрушкой некоего мрачного Дракона Бездны?

– Как знать, – резко помрачнел Повелитель Межуровня, ни в какую не желавший числиться марионеткой, тем более марионеткой забавной, и перевел тему: – Так что, теперь ты вызовешь Рика и Джея?

– Скорее всего. Мальчики – наилучшие добытчики информации, не считая пары-тройки шпионов отца. Жаль, лучшего из них, Грея, для дел Колоды привлечь нельзя. Да и, если вспомнить о провалах в памяти, касающихся твоей Карты, все это тщетно. Тот, кому не дано, увидеть не сможет, – рассудительно ответила Элия. – В библиотеке, боюсь, искать информацию нет смысла: официальная позиция братств нам ни к чему, а иного в благообразных пропагандистских книгах – приманке для паствы – не встретишь. Мне пора домой. Правда, если отправлюсь по твоим владениям пешком, то и вовсе могу не добраться до Лоуланда. Опасно у тебя стало: рыцари с мечами на прохожих кидаются, невинных демонов убивают. Не будет ли Повелитель столь любезен, чтобы открыть мне дорогу?

– Будет, – хмыкнул Злат, небрежно махнув в сторону абсолютно черного окна, тьма за которым тут же сменилась интерьером гостиной богини любви. – До встречи!

– Прекрасного дня! – попрощалась Элия, проходя к себе.

Время мистических «развлечений» закончилось, и сейчас следовало заняться заботами государственными, например исполнением обязанностей советницы короля Лоуланда. Отец переправил ей с секретарем пухлую папочку документов, требовались советы дочери по ряду щекотливых вопросов: от обжалования приговора по делу главы магического ордена, обвиненного в убийстве любовницы и пары учеников, до петиции от очередной делегации темных меньшинств.

Но принцесса не успела сделать даже пары шагов по направлению к кабинету, в котором лежала на столе документация, как в дверь сначала интенсивно, но очень коротко пробарабанили, а потом, не дожидаясь ответа, влетели. Вернее будет сказать, впорхнули, поскольку речь шла о визите молоденькой кузины богини Элии – Мирабэль, чей вес едва ли значительно

превышал вес воздуха того же объема. Вдохновенно сияя глазами и то и дело расплываясь в улыбке до ушей, но стараясь при этом сохранять на шкодливой мордочке серьезное выражение, юная эльфиечка протараторила:

– Привет, Элия! Я на секундочку, перед занятиями забежала. Знаешь, что я сейчас видела, ни за что не угадаешь! Представляешь, Нрэн остригся совсем налысо и появился ко мне ругаться! Он такой чудной теперь. – Бэль не удержалась и прыснула, а потом, вспомнив о нехороших мыслях брата, на секунду задумалась, стоит ли «закладывать» опекуна и предупредить Элию, или лучше промолчать. Похоже, Нрэну стало очень стыдно, и он больше не будет так плохо думать о сестре.

– Привет, девочки! – в гостиную вслед за Бэль стремительно ворвался медно-рыжий Клайд в ярких оранжево-алых одеждах, расшитых драгоценными камнями (присутствующим показалось, что в комнате взошло второе солнце). Сграбастав обеих сестер в могучие объятия, он разом расцеловал их и закружил по гостиной. Бэль восторженно завизжала, задрывала в воздухе ногами так, что свалилась туфелька, а Элия, шутливо дернув брата за бороду, увернулась от поцелуя в губы и подставила щеку.

– Ни за что не угадаете, что я сейчас видел! – таинственно прогудел Клайд, подмигивая сестрам. Голубые глаза мага задорно блеснули.

– Дай попробую! – попросила Элия, иронично изогнув ровную дугу брови. – Лысого Нрэна?

– Блин, откуда ты все знаешь? – хлопнув себя по волосатой груди, просвечивающей сквозь тонкую ткань алой сорочки, разочарованно протянул принц, рассчитывавший стать единственным распространителем сей умопомрачительной сплетни. Ради этого он даже ненадолго задержался в Лоуленде.

– Я рассказала! – гордо выдала тайну Бэль, привстав на цыпочки, чтобы надеть мягкую бархатную туфельку.

– Конкурентка растет, – цокнул языком бог сплетен и потрепал малышку-кузину по пышной гриве каштановых кудрей.

Маленькая принцесса довольно захихикала. Ей очень нравился новый веселый брат, такой пушистый и большой, похожий на доброго медведя. Густая поросль на груди, медная борода мужчины и обилие блестящих украшений, трогать которые ничуть не возбранялось, буквально зачаровали Бэль с первой же минуты их знакомства.

Клайд подмигнул сестренке, вытащил из напольной вазы пару алых роз и, сотворив походя над растениями заклятия, с элегантным полупоклоном вручил дамам презенты. Бэль досталась засахаренная роза, ставшая соблазнительным цукатом, а Элии подвергнутый заклятию статиса цветов, навеки замерший в наивысшей точке своего цветения.

– Ну, раз вы уже все знаете, леди, я поспешу откланяться. Пока остался еще хоть кто-то, не слышавший этой потрясающей новости, не найду покоя, – распрощался Клайд с принцессами. – К тому же Рик с Джеем и Элтоном меня уже заждались.

– На пирушку собрались? – ехидно уточнила Элия.

– Обижаешь, сестра, на маленький, но очень важный Семейный Совет, – высокопарно отвечал бог и мысленно прибавил не без лукавства, чтобы слышала только старшая из принцесс: «Возникла пара мыслишек насчет того, как слегка прищемить кое-чей гурманский задранный нос. Обмозговать их надо. Не желаешь присоединиться, дорогая? Вендзерское¹ поставим!»

«Соблазнитель! Рада бы, но, увы! Сегодня мои мыслительные способности целиком и полностью востребованы его величеством! – пожаловалась Элия, не стремившаяся участво-

¹ Одно из самых дорогих лиенских вин, любимое вино принцессы Элии.

вать в шуточном заговоре против одного из братьев. – Совершенно не остается времени на интеллектуальные занятия».

«Тогда в другой раз». – Чело Клайда, уже предвкушавшего свое торжественное появление в обществе Элии, слегка посмурнело. Но стоило богине любви ласково чмокнуть его в щеку на прощанье, как доброе расположение духа вновь вернулось к богу. Отсалютовав сестрам, мужчина испарился из гостиной, оставив принцессу наедине с любопытной младшей сестренкой и тысячью вопросов, без коих она никогда не являлась в гости.

– Эли, а когда я стану богиней? – отщипывая и отправляя в рот лепестки цуката-розы, поинтересовалась Мирабэль, чуть насупив брови.

– Дорогая моя, – рассмеялась принцесса, обнимая лакомку, – ты родилась богиней, а иначе ни богом, ни богиней в течение одной инкарнации стать практически невозможно.

– Нет, я не то хотела сказать, – досадуя, притопнула ножкой эльфиечка. – Вот ты богиня любви и логики, Клайд – бог магии и информации, а когда же я стану какой-нибудь богиней, богиней хоть чего-нибудь?

– Видишь ли, детка, – посерьезнела Элия, прикалывая подарок мага к платью вместо броши и прихватывая лепесток цуката с розочки Бэль, – на этот вопрос тебе может ответить разве что пророк. Время формирования сути бога очень индивидуально. Твоя истинная суть может проявиться уже завтра, а может зреть десятки, если не сотни лет. Могу лишь подсказать, что семя твоей сути зреет в даре эмпатии – уникальном умении чувствовать эмоции и состояния живых существ. Но во что разовьется этот талант, не предугадаешь. Я не хочу сбивать тебя с предначертанного пути ложными догадками. Подожди, в должный час ты все поймешь сама.

– Я не люблю ждать, – буркнула девушка и пнула носком туфельки мягкий ковер.

– Я тоже, малышка, я тоже, – согласилась Элия, погладив сестренку по спине, – но приходится. Даже богам не дается все и в один момент. Расти, учись, следуй велению своей души, занимайся тем, что тебе интересно, к чему чувствуешь тягу. Не пытайся обдумать и насильно понять, кем ты станешь. Ты просто это почувствуешь. Может быть, не сразу, а постепенно к тебе придет понимание собственной сути, а когда она проявится достаточно ярко, об этом объявит Источник Лоуланда.

Эльфиечка вздохнула, смиряясь с логически обоснованными доводами кузины:

– Ладно. Значит, если я не захочу быть богиней чего-нибудь, то ею ни за что не стану?

– Конечно, это не манная каша, которую в тебя можно засунуть против воли, – рассмеялась Элия, легонько дернув девушку за выбившийся локон. – Суть богини отражается в ее призвании и вбирает в себя все таланты разума и духа. Только то, что тебе действительно по сердцу, станет твоим призванием!

– Хорошо. – Бэль осталась довольна последними словами сестры. – Спасибо, Эли, и пока. Я побежала к Итварту на занятия! Мы сегодня стреляем на скорость по движущимся мишеням из луков и арбалетов и занимаемся метанием дротиков!

– Счастливо, детка! – напутствовала кузину богиня любви и одобрительно кивнула, увидев ту радость, с которой девушка отправлялась на тренировку. Отработанные навыки наверняка понадобятся Бэль во взрослой жизни.

Только оставшись одна, Элия все-таки смогла добраться до бумаг, переправленных Лимбером, и погрузиться в их изучение, попутно набрасывая план действий: комментарии к каким параграфам какого законодательства следует просмотреть, кому нанести визит и что, в конце концов, рекомендовать отцу. Богине любви нередко приходилось не только очаровывать и внушать любовь, но и заниматься бюрократическими государственными делами, так что Дарис и Лимбер были не одиноки в своей борьбе с макулатурой.

Глава 3

Охота для Ловчего

Принц Энтиор пребывал в своей лесной резиденции, в замке Гранд. В данный момент его высочество не охотились, не пытали жертву, не развлекались вампирскими играми с одной из своих многочисленных рабынь и даже не занимались составлением любимых мозаик. Элегантный лорд расположился на террасе, с которой открывался живописный вид. Раскинувшись в широком кожаном кресле и положив ноги на другое, Энтиор отдыхал, читая книгу по соколиной охоте, роскошно иллюстрированную объемными картинками, и попутно лениво размышлял о том, дать ли приказ сокольничему приобрести в питомнике крапчатого сокола или лучше заказать черноголового. Мысли свои бог время от времени разбавлял глотком терпкого вина, за которым протягивал руку, тонувшую в белопенном кружеве рубашки. По правую сторону от принца на мраморном столике стояли ваза с отборными фруктами и графин красного вина, из которого услужливый немой раб наполнял бокал хозяина. Конечно же хрустальный бокал. Мужчина обожал любоваться игрой света в гранях хрусталя и багряными бликами напитка.

Но постепенно сквозь свое отрешенно-ленивое состояние Энтиор начал ощущать внутренний зуд, какое-то беспокойство, отдаленно напоминающее заклятие связи, но не дающее представления о персоне вызывающего. Когда ощущение обрело четкость, принц понял, что происходит, и чуть удивленно, но не без удовольствия, коротко улыбнулся, радуясь возможности поразвлечься. Бог нашарил на столе тонкий короткий стилет и заложил в книгу, отмечая прочитанные страницы. Стройные мускулистые ноги взметнулись в воздух, одним грациозным прыжком мужчина выбрался из кресла и быстрым шагом вышел с застекленной террасы. Отдых закончился.

Энтиор прошел в одну из комнат в подвальном этаже своего замка, дверь в нее была видна только принцу, и только его длань могла распахнуть ее. Найдись же в замке самоубийца, который решил бы тайком пробраться в заветное помещение, его смерть была бы не только долгой и мучительной, но весьма живописной. Бог боли не слишком жаловал магию, но кое-какие заклятия, особенно связанные с тонкостями профессии, ему удавались превосходно, хоть мужчина и заявлял, кокетничая, что предпочитает яды и традиционные пытки, по части которых был гением.

Едва принц ступил под своды тайной комнаты, пол озарился серым призрачным светом, весьма непривычным для апартаментов Энтиора, предпочитавшего тона, выигрышные для своей неестественно-белой, светящейся кожи. Бог прошествовал к черному постаменту в две трети среднего роста мужчины и взял с кованого треножника предмет. Это был медальон черного серебра. Хорошо отполированная середина украшения без каких бы то ни было насечек или гравировки обрамлялась сложным плетением металлических нитей, напоминавших колючие стебли или прихотливо изогнувшихся змей. Рассмотреть его более внимательно никак не удавалось. Да владелец медальона и не собирался этого делать. Он надел предмет на шею и перешел к шкафу – единственному, не считая постамента, предмету мебели в комнате. Из его недр Энтиор – тот самый элегантный и манерный бог, что и пуговицу на рубашке никогда не застегивал без помощи камердинера, лично извлек черный шелковый балахон и надел его. Глубокий капюшон закрыл прекрасное лицо мужчины тенью.

Еще раз улыбнувшись самому себе – хищная и заинтересованная вышла улыбка! – принц положил длань на обжигающе ледяную поверхность медальона и покинул тайную комнату.

Возник Энтиор несколькими Уровнями выше, в закрытом дворе огромной крепости, сложенной из настолько черного камня, что он мог поспорить не только с чернотой безлунной ночи, но и с тьмой самой Бездны Межуровня. Ни проблеска света, ни вздоха, ни шороха,

ни единого порыва ветра в промозглом холоде не донеслось до чутких ушей и зорких глаз бога охоты. Десять ударов сердца он стоял в абсолютной тьме и сам был ее частью. Потом по углам двора вспыхнули цветами свежей крови и бездушной голубизны бездымные факелы и, откликаясь на этот свет, полыхнула багровым старинная рунная вязь медальона принца и снова потускнела. Еще три удара сердца, и черный камень прочертила, образуя высокую арку, тонкая, алая, как рана, нанесенная острым клинком, линия. По ее контуру камень истаял, как дым. Без тени сомнения принц, не торопясь, но и не задерживаясь попусту, зашагал к открывшемуся проходу. Звук его шагов зловещим гулким эхом отдался от плит замка и заметался между стенами, словно надеясь найти выход и бежать из жуткого места. Но тщетно!

В полном одиночестве, не встретив ни одного живого существа или призрака, каковым было бы естественно обитать в сем мрачном месте, Энтиор молча прошествовал по длинному коридору, словно вырезанному из цельного куска гигантского черного камня, и уперся в тупик – монолитная стена преградила богу путь. Но он вовсе не выглядел обескураженным сим досадным недоразумением. Принц поднял свой медальон и приложил его к поверхности препятствия. В тот же миг оказалось, что мужчина стоит в огромном роскошном багрово-черном холле. Красное золото, серебро, багряный куирит, агатовый мрамор, драгоценные рубины, черные алмазы, мореный дуб, угольный караган – роскошь помещения поражала воображение, но привыкший к богатству принц без тени сомнений, не удосужившись восхититься обстановкой, шагнул к двустворчатым массивным дверям, изукрашенным чеканными изображениями демонов, вампиров, мифических и реально существующих чудовищ. По обе стороны двери неподвижно, словно элементы интерьера, стояли пары рыцарей в легендарных доспехах из живой стали. Забрала были опущены, руки в латных перчатках лежали на рукоятках гигантских мечей, готовясь выхватить клинок и зарубить всякого, вторгшегося в сию обитель, не имея на то дозволения. Но Энтиор не удостоил стражей и взглядом. Бог ударил тяжелым дверным кольцом по поверхности дерева, одна из гротескных демонических рож разомкнула в оскале клыки и провозгласила:

– Проходи и предстань перед Верховным маршалом Тьмы, адепт Ловчий!

Дверь бесшумно распахнулась, и Энтиор вошел. За его спиной створки врат захлопнулись с ужасающим грохотом, словно за грешной душой закрылись адские врата, навеки отрезая путь к спасению...

Ледяной холод холла сменился приятным теплом. В не менее роскошной, чем холл, просторной комнате у гигантского камина, в котором ярким пламенем пылали толстые сучья, стояло единственное кресло с высокой спинкой. На звук закрывающейся двери кресло чуть повернулось, и тонкая длань, словно бесплотная тень, поманила вошедшего.

Энтиор однажды бывал в этом кабинете, но никогда не оставался с Верховным маршалом наедине, никогда прежде его не приглашали приблизиться к главе Братства и уж точно не удостоивали приватной аудиенции. Обычно принц, вступивший на путь теней ради забавы и сообразно с душевными склонностями, получал задания от более низких в иерархии братства командиров, да и не претендовал на большее. Бог был бесконечно самолюбив, но в эту игру играл, делая ставки по маленькой, ему вполне хватало эффектных развлечений и пышных собраний, устраиваемых Темным Братством для своих членов, а также мелких поручений – пыток, убийств, слежки, которые были в удовольствие богу боли и охоты. За карьерой Энтиор не гнался и глубже в темные дела старался не лезть. Слишком большой шум мог бы подняться в Мире Узла, ввяжись его высочество в крупную авантюру Темного Братства, чьи интересы хоть и не пересекались никогда с интересами государства, а потому и не вступали с ним в конфликт, но вряд ли были бы одобряемы Источником Лоуленда и его монархом.

И вот теперь, стоя у кресла Верховного маршала, осторожный лоулендец с диагнозом «врожденная паранойя» насторожился почти всерьез. Зачем он понадобился Старику? Так за глаза именовали главу Братства особенно дерзкие адепты. Впрочем, маршал вполне соответ-

ствовал своему прозвищу: худой, почти прозрачный очень пожилой с виду мужчина, закутанный в черную мантию. Из-за короткого ежика седых волос он казался почти безобидным до тех пор, пока ты не смотрел в его глаза: глубокую серо-фиолетовую бездну, более морозную, чем воздух на вершине горы, и неумолимую, как топор палача. Мало кто мог бы встретить взгляд Верховного маршала без внутреннего содрогания. Энтиор, сам знаток убийственных взглядов и обладатель дивных озер бирюзового льда, вымораживающих душу жертвы, знал это и не собирался играть со Стариком в гляделки. Проиграешь – самолюбие замучит, выиграешь – Верховный маршал со свету сживет. Поэтому-то и капюшона принц не снял с головы даже в жаркой резиденции начальства. Столкновения взглядов мудрый принц избежал, а вот голос Старика ему услышать пришлось, и походил он на лед, завернутый в бархат. Сначала воспринимались его внешняя вкрадчивая мягкость и звучная красота, а потом уже пробирала холодная дрожь.

– Во имя воцарения извечной Тьмы, к вящей славе и процветанию нашего Братства, к низвержению недругов, ты, адепт, должен выполнить задание, – разомкнул уста сидящий.

– Служу Тьме, – прижав ладонь к медальону, ответил ритуальной фразой Энтиор и замер, дожидаясь объяснений.

– Выследи и убей. Убей так, чтобы его смерть вошла в славные анналы нашего Братства. Задача по тебе, Ловчий? – Тонкая рука поднялась с резного подлокотника, и в воздухе соткалось изображение могучего блондина с яркими голубыми глазами и лучезарной улыбкой во все тридцать два, или сколько их у него там было, зуба. Столь же ярко, как глаза, вокруг незнакомца сияла светлая аура, близкая к тем, какие облекали самых высших адептов света. Такой уровень «белизны» странным образом сочетался с удивительной жизнерадостностью незнакомца, обряженного в синюю щегольскую рубашку, расшитый бисером и золотой нитью жилет и кожаные штаны, весьма выигрышно оформляющие его мужественность.

– Встать на след по твоему слову, Верховный маршал? Прекрасно, – улыбнулся Энтиор, внутренне расслабляясь: от него не потребовали ничего сколько-нибудь противного его сути или сложного. – Но было бы проще, имей я на руках какую-то вещь, принадлежащую жертве, или ее изображение с вплетенной характеристикой силы.

– Возьми! – Длинные, похожие на белых пауков пальцы с крепкими чуть желтоватыми ногтями записного курильщика нырнули в складки плаща и достали оттуда тонкую книжицу в обложке из темного металла.

Принц-вампиры, как мы уже упоминали, не был выдающимся магом, но даже его способностей достало, чтобы определить, что в книжицу вплетены весьма и весьма могучие заклятия, призванные подавлять эманации содержащегося внутри предмета. Энтиор раскрыл книжицу, и в обрамлении того же металла, закланного сильными чарами, узрел тошнотворно-радостную физиономию блондина, которую только что видел в форме иллюзии, посланной Стариком.

Чем-то изображение показалось принцу знакомым, не физиономия, нет, это что-то было настолько неясным, что его высочество почти мгновенно отбросил попытки вспомнить. Принц повертел книжицу, внимательно изучая жертву, и вздрогнул от неожиданности, когда ему показалось, что лицо мужика расплылось дымным маревом. Но нет, рожа блондина снова обрела четкость. А визуальные галлюцинации бог списал на крепость заклятий, подавляющих силу портрета. Спрятав вещицу под плащ, Энтиор отвесил магистру поклон – настолько глубокий, насколько позволяла принцу лоулендская гордость, и услышал короткий ответ Старика.

– Ступай, адепт Ловчий, и да пребудет Тьма с тобой! – покровительственно провозгласил Верховный маршал.

Повторного разрешения или подробного рассказа о жертве с детальным изложением ее привычек и биографии, а также причин, по которым, собственно, следовало начать охоту, Энтиор дожидаться не стал. Глава Братства никогда не отличался многословностью и уж тем более никогда не объяснял мотивов своих действий. Принц приложил руку к личному меда-

льону и исчез из приемной Верховного маршала. Тот остался сидеть, неподвижно следя за пляской языков пламени, лижущих дрова в камине. Через минуту, возложив длани на подлокотники, старик задумчиво констатировал, решив поделиться своими мыслями с самым достойным собеседником, то есть с собой:

– Юнец весьма заносчив. Но Тьма любит гордых, лишь ему по силам взять след врага. Пусть Ловчий покажет себя. Если проиграет, призову других. Наш собрат в изначальном мраке должен быть отомщен.

Вздохнув, маршал наклонился, протянул пальцы прямо в жаркое чрево огня, погрел руку в открытом пламени и довольно защелкал суставами, которые после столь радикальной процедуры восстановили гибкость.

Энтиор, довольный предоставившейся возможностью поразвлечься, перенесся в замок Гранд и стал собираться в дорогу. Велел седлать Мрака – резвого и выносливого коня, облачился в одежду из мягкой, превосходно выделанной, обработанной специальным составом и потому непробиваемой ни стрелой, ни клинком кожи, в такой же плащ со стоячим воротом, высокие сапоги с острыми шпорами и подбитыми черным серебром каблуками. В довершение туалета пристегнул меч, выбрал кинжал, стилет, пару метательных ножей и арбалет. Более ничего принцу для любимого занятия – охоты на самую хитроумную, а оттого особенно желанную разумную дичь – не требовалось. Бог рассчитывал, что задание Верховного маршала не займет много времени, и он успеет прибыть домой к ужину, если же нет, всегда оставалась возможность вкусить кого-нибудь подходящего, попавшегося на дороге. Энтиор оставил балахон в тайной комнате, но медальон не снял, только убрал его под одежду.

Пристегнув к седлу несессер с различными принадлежностями, сделанными из особого сплава стали с серебром и кауримом (принадлежности сии без сомнения вызвали бы истинный восторг у знатока и панический ужас у жертвы), принц вскочил на коня и пришпорил его. Мрак заржал и вихрем сорвался с места, унося своего хозяина на избранную дорогу, туда, куда звало Энтиора чутье вампира и бога охоты – тот сверхъестественный дар, который позволял принцу искать и находить дичь, где бы она ни пыталась скрыться. Ни заклятия, ни расстояния не были преградой для безжалостного принца. Жертва могла улизнуть от погони лишь одним-единственным способом – покончить с собой самостоятельно, не дожидаясь совершенных мучений, которым ее готовился подвергнуть бог боли. Впрочем, для этого дичи следовало бы знать, что на нее идет охота, а Энтиор не собирался играть в благородство и тактично высылать уведомление о визите.

Принц-вампир мчался по мирам через сумрак вечера и через ночную мглу. Именно это время суток он предпочитал, именно оно будило в нем жажду крови и охотничий инстинкт, столь необходимые для погони. Энтиор почти бесшумно неслся во тьме, словно ветер ночи, то по едва видной лесной тропе, то по проселочной дороге, то по центральной улице спящего города, то просто по бездорожью. Очень редко он останавливался и доставал книжицу, врученную Верховным маршалом. Бог проверял, верно ли он избрал путь, который соединил биение его сердца с ощущением присутствия жертвы где-то там, в невообразимой дали. И после каждой такой проверки Энтиор чувствовал, что приближается к цели. Он все еще не мог понять, к какой расе принадлежал и какими способностями обладал белобрысый весельчак, не угодивший самому Старик, но одно принц знал точно: вскоре он настигнет жертву.

Бог боли ехал сквозь ночь. Мало кто рискнул бы встать на пути такого охотника. Если только по великой дурасти или случайно. Но мало ли на свете идиотов? И богам ли не знать, как причудливо тасуется колода Случая.

В сумеречном лесу, освещаемом лишь светом громадной голубой луны и далекими зелеными огоньками звезд, справа от Энтиора, вслед за далеким уханьем совы, писком испуганных грызунов и сонным птичьим щебетом раздался близкий, вполне человеческий крик ужаса, потом послышались громкий треск ломающихся веток и нечленораздельные грубые проклятья.

– Пожалуйста, добрый рыцарь, во имя Света Сиалэн, помогите! – На тропинку, сильно прихрамывая, выскочила девушка с серебряной копной растрепанных волос, одетая лишь в тонкую, легкую, словно паутинка, тунику.

Разгоряченный Мрак взвился на дыбы и забил в воздухе копытами. Не выдержав таких акробатических упражнений, подпруга седла неожиданно лопнула и, чтобы не оказаться под копытами гигантского жеребца, Энтиор вынужденно слетел со спины коня. А девица, прежде чем снова трагически заломить руки, предусмотрительно спряталась за спину всадника и за круп его лошади.

Разозленный необходимостью вспоминать заклятие починки седла и мысленно уже отсчитывающий количество плетей нерадивым конюхам Энтиор сдавленно хмыкнул. Возмущение перемешалось в мужчине с изумлением – нахальство девки было вопиющим: его, бога-вампира, призывали помочь именем богини длинноухих. Впрочем, девица могла просто не узнать в ночном всаднике исконного врага своей расы. Клыки Энтиор не показывал, длинные волосы скрывали острые кончики ушей, а бирюзовые глаза отливали красным только тогда, когда того желал сам принц, бледность же кожи и тонкие черты лица еще ничего не доказывали.

Хромая эльфийка – на то, что незнакомка принадлежала именно к Дивному народу, явственно указывали и цвет ее волос, и разрез громадных зеленых глаз, и хрупкость фигуры, прекрасно обрисованной туникой, – умоляюще уставилась на молчаливого незнакомца в темном плаще и повторила свою просьбу, указывая куда-то в глубины леса. Оттуда по-прежнему доносился явственный треск, какой обычно производит ломающийся сквозь заросли человек или стадо кабанов-лунатиков. Но поскольку слышна была грязная ругань, а не хрюканье, и разило от приближающихся существ давно не мытым телом и прокисшим вином, а не щетиной и навозом, бог решил, что идут люди. Вернее, то отребье, которое почти утратило право называть себя людьми. Таковых чистоплотный и брезгливый Энтиор ненавидел куда больше эльфов, к которым испытывал обыкновенную расовую неприязнь. Поняв, что без устранения надоедливых тварей даже упряжи в лесу починить не удастся, принц процедил проклятье.

Надбавив мысленно конюхам и шорникам по десять плетей, Энтиор немного выждал, молча хлопнул Мрака по крупу, после чего конь замер как статуя; принц достал два ножа и, почти не глядя (ночное зрение и острый слух указали мишени безошибочно), метнул оружие куда-то в кусты у тропинки. Раздались два сдавленных всхлипа. Треск в той стороне на несколько мгновений усилился и внезапно стих, завершившись звуками падений. Вампир чуть качнул головой и повел руками, призывая свои клинки обратно. Словно послушные псы, ножи вернулись к владельцу. Эльфийка за спиной вампира беззвучно плакала от облегчения. Сжимая клинки в ладонях, бог подошел ближе к зарослям и дождался появления третьего и последнего преследователя. Взмахнул ножами крест-накрест и с легким удовлетворением полюбовался, как полетела отделенная от тела голова и упала в кусты, а безголовое тело, исторгнув мощный фонтан гнилой крови (блестящее темно-голубое серебро на сером фоне ночной листвы), нелепо размахивая руками и дрыгая ногами, упало на край тропы. Обтерев клинки о сравнительно чистый участок плаща трупа, Энтиор шепнул все-таки пришедшее на ум заклятие, соединившее лопнувший ремень, и вскочил в седло. Мрак, почуявший кровь, только раздувал ноздри. Юную эльфийку, оказавшуюся свидетельницей кровавой расправы с преследователями, совсем не романтично затошнило. Прикрыв рот ладошкой, она прыснула в кусты по соседству и рассталась с ужином. После очистительной процедуры девушка все-таки нашла в себе силы вернуться к спасителю.

– Благодарю вас, ночной рыцарь! Из мрака ночи возникли вы, одетый во мрак, но принесли свет в мою жизнь, не дав прежде времени угаснуть огню Творца! Молю, ответьте же, за кого мне вознести хвалебную молитву Сиалэн? – зазвенел голос эльфийки, едва та справилась с подступившей к горлу тошнотой.

– За конюхов, – обронил Энтиор и прищипорил Мрака.

– За конюхов? – в недоумении переспросила опустевшую тропу девушка, так и не понявшая, кем был ее герой. – Но почему?

Ответа, разумеется, ей никто не дал... Энтиор уже скакал дальше. Слишком худа и немощна была эльфийка, чтобы вампир пожелал вскусить ее крови после расправы с людьми. Принц мчался сквозь ночь, и Силы Случая смеялись за его спиной.

Охотник неумолимо приближался к жертве. Очень скоро миры перестали сменять друг друга чередой сумрачных видений, и бог въехал в конкретный поздний вечер конкретного мира.

Большой город, не удосужившийся окружить себя охранными стенами, раскинулся на холмах с привольем пьяного путника, каковому нипочем грабители и хищные звери. Он все еще сиял отдельными светлячками веселых домов, таверн и богатых особняков, в которых далеко за полночь продолжались пышные балы.

Но Энтиор въехал в город со стороны самых нищих окраин. Там если и теплились еще огоньки, то из-под плотно прикрытых стареньких ставен, или, наоборот, пылали безнадежно-дерзким костерком, разложенным в развалинах, а то и прямо на мостовой, утопанной сухим летом до состояния камня и превращающейся в непролазное болото в сезон дождей. Издалека трущобы казались вымершими на ночь, однако стоило только всаднику выехать на широкую площадку, формально считавшуюся началом города, как к нему тут же устремились – кто бегом, а кто ковыляя – исхудавшие нищие с протянутыми для подавания руками, раздались причитания и просьбы о милостыни.

Принц дал себе труд придержать коня, разгоряченного скачкой по вольным просторам, только для того, чтобы выбрать направление движения. Он никогда не подавал денег голытьбе. Мужчина лишь вскинул голову и, брезгливо поморщившись от нестерпимой вони немытых, больных тел, процедил:

– Прочь с дороги, быдло!

Сила голоса бога хлестнула души городского отребья безжалостным кнутом, его воле невозможно было не повиноваться. Убогие нищие в жуткой панике со всех ног прыснули во все стороны, забились в щели, из которых выползли в надежде на случайную поживу, прикрыли лица руками, съежились комочками, пытаясь скрыться от страшного голоса. Они царапали себя грязными ногтями, стараясь изгнать зловещие звуки из головы и забыть, избавить память от кошмара более страшного, нежели их безнадежная жизнь.

Лишь один исхудавший уродец с изъязвленным лицом замешкался, не услышав веления Энтиора по причине природной глухоты. На свою беду несчастный стоял как раз на дороге. Мрак ударил его копытами в чахлую грудь и проскакал по бьющемуся в предсмертных судорогах телу, пятная грязные лохмотья багровыми пятнами. Бог боли оказал просившему единственную милость, на какую был способен, освободил вольную душу от пребывания в убогой оболочке.

Конь нес всадника вглубь города по узким улочкам района бедняков и преступников. Энтиор явственно чувствовал, что цель уже близко, только теперь перед богом встала другая весьма необычная проблема. Восприятие близкой жертвы сделалось настолько полным, что охотник утратил представление о ее конкретном местонахождении. Вампир проехал еще пару минут, но его чувства не желали проясняться. Мысленно процедив проклятье, оскорбленный принц натянул поводья и полез за портретом белобрысого ублюдка.

Только и на сей раз великолепному Энтиору не дали завершить дела в тишине и спокойствии. Конечно, вампир ощущал поблизости присутствие сразу нескольких не спящих живых существ, но не думал, что они могут стать для него помехой. Однако проказник-случай вновь распорядился судьбой принца на свой лад. Пока его высочество изучало миниатюрное изображение блондина-оптимиста, настраивая себя на более обостренное восприятие, из заброшенного дома на относительно просторной улочке появилось пятеро мужчин.

– Смотрите-ка, парни, нам и ходить сегодня далеко не придется! – оскалил зубы в хищной усмешке высокий и тонкий как хлыст тип, поигрывая саблей. – Славная добыча! Восхвалим Джея!

– Эй, господин хороший, коли жить хочешь, с лошадки слазь, кошелечек, колечки на мостовую клади и быстренько беги отсюда! Ну! – подхватил другой молодой нахал, показав кривые, но довольно белые зубы.

Энтиор хранил молчание, в последний раз выверяя дорогу к дичи.

– Надо же, упрямится мальчик или стесняется! – рассмеялся третий, здоровый как медведь парень, даже не обнаживший оружия. – А может, чего другого услышать хочет?

– А что? – демонстративно поведя носом, вмешался четвертый грабитель, доставая ножи. – Может, и дождется! Вон как надушился, точно встречи с нами, как свидания, ждал!

– Так за чем же дело? Пускай портки снимает и на карачки становится, так и быть, обслужу, – расхохотался пятый, смазливый красавчик, уверенный в том, что всадник запуган до полусмерти и уже готов наложить в штаны от ужаса, и потянул руку к поводьям Мрака.

Энтиор убрал портрет в карман камзола и обвел взглядом ледяных глаз глумящихся придуков. Нет, не обычные грабители из низов, отребье улиц, стояли перед ним. Как ни старались парни корчить из себя таковых, но в их манере держаться, в словечках, в запахе слишком чистых для довольно неприглядной одежки тел проглядывали сытые, а вернее уж зажавшиеся богатенькие мальчики, вышедшие на улицу в поисках острых ощущений. И теперь кто угодно, знающий бога боли, Ледяного Лорда, дознавателя Лоуланда, мог бы сказать беспечным взбесившимся балбесам, что они дождались своего часа.

– Замрите! – повелел идиотам принц, легко соскакивая с коня.

Жертвы голоса бога-вампира застыли на месте, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть словечко. Только глаза бешено завращались в орбитах перетрусивших ублюдков, неожиданно осознавших: пусть сейчас и идет охота, но они не загонщики, а дичь. Энтиор прищелкнул пальцами, и маленький пяточок, на котором стояло пять живых статуй, залил тусклый серый свет; не торопясь, наслаждаясь ужасом пленников, вампир обнажил меч и кинжал. Подошел к первой жертве – хлыщу с саблей, начавшему разговор, и взмахнул мечом. Рука с саблей упала в пыль мостовой. Вампир аккуратно выколол парню глаза кинжалом и мягко, почти нежно, промолвил:

– Впредь лучше смотри, на кого поднимать клинок!

Кровь по желанию бога-вампира не хлынула жарким потоком, она сочилась тоненькой струйкой, даруя жертве не только боль, но и шанс на жизнь, жизнь калеки.

А Энтиор уже перешел ко второму парню, обстоятельно расписавшему, что именно ему надлежит оставить грабителям. Кинжал прошелся по пальцам кривоzubого вора, и те, словно лепестки с цветка, посыпались вниз.

– Брать надо лишь то, что в состоянии взять, – произнес вторую сентенцию Энтиор, приблизившись к третьему врагу.

Парой взмахов кинжала принц отсек ему уши, губы и вырвал из открытого рта язык.

– Теперь ты поймешь, что такое стеснение, – холодно улыбнулся мучитель и, повернувшись к четвертому, отсек ему нос, обрубил у запястий руки, все еще державшие ножи, после чего любезно сообщил:

– Так ты сможешь унюхать гораздо больше.

Пятую жертву вампир оставил себе на десерт. Приблизившись к парню, в ужасе созерцавшему кровавую расправу над своими приятелями, Энтиор взмахом кинжала избавил его от портков и, аккуратно обтерев клинок о рубашку похабника, убрал его в ножны. Протянув руку, вампир одним рывком лишил глумливого идиота мужественности и пояснил, потрепав красавчика по щеке:

– Теперь тебя можно будет использовать только одним способом.

Вложив в ножны меч, Энтиор холодно усмехнулся, обвел взглядом творца скульптурную композицию из увечных, глаза которых кричали от отчаяния, ужаса и неимоверной боли. В сером цвете темная кровь, отрезанные конечности и сами изувеченные негодяи смотрелись великолепно. Эстетическое чувство и жажда мести бога были удовлетворены. Ублюдки получили по заслугам! Вскочив в седло, принц дал коню шпоры. Мрак сорвался с места прежде, чем вампир приказал:

– Отомрите!

Крики безумного страдания и крайнего отчаяния зазвучали уже за спиной бога боли. Он покарал оскорбителей, и каждый из них по его воле должен был принять ту боль, которая приведет его к грани смерти, но оставит жизнь, никчемную жизнь калеки, обреченного на жалость и презрение близких, ибо скрыть причины травм вряд ли окажется возможным.

Энтиор вовсе не считал своим призванием искоренение преступности, но он всерьез полагал, что на сем опасном поприще нет места дилетантам, тем более мрази, оскорбившей его и вставшей на пути его охоты.

Глава 4

Дичь не по зубам

Буквально через шесть-семь минут чутье ловчего вывело принца с узкой, петлявшей, словно пьяный сапожник, но все-таки мощенной битым камнем улочки на ее товарку пошире – прямо к коновязи у гостеприимно приоткрытых дверей трактира. Там, судя по свету, громким крикам, пению невпопад, запаху пива, дешевого вина, фасоли и жареной свинины, все еще продолжался гудеж.

«Поющий поросенок» – сообщала незатейливое название заведения жестяная вывеска с надписью и веселым хряком. Скорее, «Горланные свиньи», – с ходу подобрал более подходящее наименование трактиру язвительный принц и спешил. Инстинкт охотника подсказывал, что цель невероятно близко, прямо за этими дверями. Приказав жеребцу стоять смирно у коновязи, Энтиор скорым шагом, стараясь сдерживать нетерпение, взобрался на низкое крылечко и толкнул дверь. Та охотно распахнулась, впуская принца в широкий и жаркий после прохлады осенней ночи зал, ярко освещенный гроздьями дешевых магических шаров, подвешенных в сетках прямо к грубым крюкам, вбитым в потолочные балки. Света и тепла добавляли два открытых очага, на которых скворчали над огнем, распространяя аппетитный аромат, жирные свиньи. Скамьи и столы были сдвинуты в одну гигантскую кривую, вокруг которой сновали, сбиваясь с ног, разбавившиеся от жара, сдобные, как плюшки, крутобедрые подавальщицы. В углу пристроились музыканты, наяривающие на лютне, скрипке, губной гармошке и трубе что-то неопределенное, но весьма веселое. Народ гулял на полную катушку!

С трудом привыкая к спертому воздуху трактира среднего пошиба, его высочество секунду постоял в относительной тени у двери. На нового посетителя никто не соизволил обратить ни малейшего внимания, поскольку как раз в момент его появления высокий белобрысый здоровяк забрался с ногами прямо на скамью и, пьяно покачиваясь, завопил во все горло, перекрывая сразу три разные песни, которые горланили почти полсотни баб, мужиков и музыкантов:

– Всем еще по три кружки карамельного пива и по тарелке жаркого! Угощаю! – Он метнул в оперативно подставленную ладонь подавальщицы несколько серебряных монет.

Зал, прервав пение, ответил нестройным ликующим воплем, а белобрысый слез со скамьи, осушил до дна свою кружку, довольно рыгнул и наполнил кружку снова.

Хоть пьяница и стоял к Энтиору спиной, бог сразу узнал свою жертву. Те же фигура, цвет волос, даже рубашка – и та точь-в-точь такая же, как нарисованная на портрете, вот только не было в развеселом типе ничего хоть сколько-нибудь необычного. Никаких, даже скрытых резервов магической или иной силы не уловил бог. «Ну и какая, собственно, разница, это только упрощает дело!» – решил принц, все-таки слегка разочарованный бездарностью добычи.

Моментально обдумав план действий, он двинулся вперед. Старик просил, чтобы смерть дичи не была легкой, значит, следовало для начала выманить ее из трактира и доставить в один из любимых казематов. Учитывая состояние мужика, принц не думал, что это будет трудно. Не снимая плаща, неслышно ступая по плотному слою свежей соломы, настеленному на пол, ловчий приблизился к мужчине. Нагнувшись к самому уху белобрысого, он прошептал, используя божественную силу повеления:

– Встань и молча выйди со мной во двор!

– Зачем это? – с пьяной вальжностью поинтересовалась добыча, обращая физиономию к палачу. Тут же в голубых глазах мужика сквозь пьяную муть зажегся свет узнавания, и он

куда веселее прибавил: – О! Ты, эт-т-а, как тебя там, а! вспомнил, Энтиор, ты лучше сюда садись. Давай выпьем! Пива хочешь?

– Связист?! – изумленно выпалил принц, растерявшись. Бирюзовые очи бога, преследовавшие в сладострастных снах не одну высокородную даму, вытаращились самым простецким образом.

А потенциальная дичь уже совала знакомцу под нос свою еще полную кружку с пивом. Энтиор машинально принял ее и глотнул. Как ни странно, пиво оказалось весьма неплохим, во всяком случае, разборчивого аристократа не стошнило, к нему даже вернулся дар речи, казалось бы утраченный навеки в тот момент, когда в развеселых голубых глазах того, кого ему приказали убить, бог разглядел хорошо знакомую по суматошному Новогодью в Лоуленде мудрую сумасшедшинку Вольной Силы. Теперь-то вампир узнал Связиста, обожавшего принимать плотский облик и столь искусно маскировавшего свои способности, что почти никто из окружающих не мог определить, с кем на самом деле общается.

– Тсс! – отобрав кружку у Энтиора, громогласно прошептал пьяный Связист, прикладывая палец к губам. – Здесь я этот, как его, Жофри. Ты же меня не выдашь, а?

– Нет, – медленно и печально покачал головой принц и уже не приказал (Силе его приказ все равно что дракону комариный чих!), а почти умоляюще попросил: – Выйдем, пожалуйста, на воздух, надобность в беседе весьма велика.

– Ну ладно, пошли, только ты это, не забудь, я не из тех мужиков, которые тебе задницу готовы подставить. Я все больше баб люблю, – уточнил Связист-Жофри и громко заржал, радуясь собственной грубой шутке.

Энтиор скрипнул зубами и молча пошел к выходу, от всего сердца желая, чтобы бражник последовал за ним. Вампир был растерян до крайности. Он просто не знал, что делать, ибо оказался в такой ситуации, из которой не видел никакого выхода. Бог не мог убить Силу не только и не столько потому, что Связист числился закадычным приятелем его братьев. Важнее было иное: во-первых, убийство любой Силы являлось одним из самых серьезных нарушений Великого Равновесия, а в такие игры вампир не играл, и во-вторых, оно было просто не по зубам богу-вампиру, он вообще не представлял, как можно убить подобное создание. С другой же стороны, в ушах Энтиора звучал холодный голос Верховного маршала, отдающего приказ, и приказ этот не подразумевал иной трактовки: жертва должна быть уничтожена.

– Так ч-чего у т-тебя за секреты, или отлить со мной вместе захотел? Помериться, у кого струя дальше бьет? – снова хохотнул Связист, нарушая почти панический ход мыслей принца очередным пошлым экспромтом.

– Мне дали задание убить тебя, – так и не придумав ничего лучшего, открытым текстом признался Энтиор, надеясь, что смысл сказанного дойдет до Силы через затуманенные алкоголем человеческие мозги и слегка прочистит их.

– Бреешь?! – удивленно рассмеялся Связист, прислонился к коновязи, у которой стоял одинокий Мрак, и машинально ласково почесал морду злобному коню. Тот зафыркал от удовольствия.

– Нет, – покачал головой вампир и поднял руку в лоулендском знаке клятвы.

– Так чего, устроим дуэль на бутылках, кто кого перепьет? – прикололся Связист.

Энтиор молча полез в карман и, вытащив книжку-портрет, протянул его собеседнику, надеясь таким образом достучаться до трезвых участков сознания Силы и привлечь их внимание к серьезности ситуации.

– Крутой портретик! – восхитился Связист, полюбовавшись собой. – Это ж надо, в двух ипостасях умудрились изобразить. И так и этак. Клево! Хотя... лучше бы в профиль сделали, а не в анфас. А одежды мне зачем столько понарисовали? Без ничего куда как красивше вышло бы! Не находишь?

– Этот портретик мне дал Верховный магистр одного могущественного ордена, послал по твоему следу с приказом убить как можно более мучительным и страшным способом, – отчаявшись от столь вопиющего непонимания кризисности ситуации, истерически выпалил бедный вампир, сдернул с руки перчатку и вытер пару мелких бисеринок пота, выступивших на челе.

– Так ты чего, и правда убить меня собрался? – На сей раз до Связиста кое-что дошло, и он не на шутку обиделся. – Я к тебе со всей душой, пивом угощал! А ты!!!

– Да, я должен тебя убить! – прошипел Энтиор, отбирая у мужчины портрет, пока он чего доброго не наблевал на него. За каких-то пять минут Связист успел настолько вывести из себя бога, что знай он, как убивать Силы, чего доброго, мог бы и попробовать.

– Нет, ты и правда не врешь, – почесал в затылке пятерней Связист, пьяно покачиваясь, словно матрос на палубе корабля. Для большей устойчивости Сила обняла Мрака за могучую шею (конь и не думал сопротивляться) и продолжила: – Я помирать-то совсем не хочу, да и не по силенкам тебе Силу кокнуть. Каков каламбур, недурен, а? Силенки – Силы... И чего делать будем? Может, ты им сбрешешь, что меня угробил, а для доказательства я тебе вон хоть рубашку отдам, вымажешь ее чем-нибудь и предъявишь. Лады?

– Такими детскими уловками *их* не проведешь, – мрачно усмехнулся Энтиор, чувствуя, что от совокупности убойного запаха выпивки, коей несло от мужественной оболочки Силы, и неразрешимой проблемы, терзавшей сознание, у него начинается мигрень.

– Я не вижу выхода. Если его не знаешь и ты, придется просить совета.

– Так чего, к Элии, что ли, идем? Хорошее дело, сообразим на троих! – огласив ночную улицу громким рыганием, развеселился Связист, мгновенно просекший, к кому именно может обратиться за помощью и не удавиться на осине от оскорбленной гордости высокомерный вампир.

Энтиор осмотрел не утратившую пронизательности пьяную Силу. От желания Связиста сотрудничать сейчас зависело совсем не положение вампира в Темном Братстве, скорее всего, сама жизнь, ибо Темные не прощали неудач и тем более никому не прощали измены. Потому принц сказал максимально вежливо:

– Именно это я и собирался предложить. Но для начала, не будешь ли ты так любезен, не приведешь ли свою телесную оболочку в физическое состояние, приемлемое для визита к принцессе Лоуланда.

– Думаешь, наши пьяные рожи Элия и на порог не пустит? – хохотнул Связист, хлопнув Мрака по холке. Собственный смертный приговор и охоту, устроенную на нее, Вольная Сила продолжала воспринимать как великолепное развлечение.

– Твою, – процедил Энтиор, недоумевая, почему его злоющий конь, убивший не одного оплошавшего конюха и покоровившийся только кнуту бога-вампира, сносит все фамильярные фокусы простака Связиста. Будь вампир на месте жеребца, давно бы уже куснул нахала, а то и врезал бы копытом промеж ног.

– Ладно, ладно, сейчас все устрою, не злись, – хмыкнула Сила, что-то пробормотала и заметила уже совершенно трезвым печальным голосом: – Эх, какую пьянку испоганили! Никогда этим твоим убийцам такой пакости не прощу! Ну так пошли уж, чего теперь-то ждем?!

– Мрак, возвращайся домой, – сняв с шеи и спрятав медальон Братства в седельную сумку, приказал принц коню и кивнул Связисту: – Идем. Надеюсь, сестра будет расположена нас выслушать.

Энтиор вызвал в памяти образ любимой стради². Божественное чутье мгновенно подсказало принцу, что Элия пребывает в Лоуланде. Он покосился на винные и жирные пятна от жар-

² **Стради** – сестра крови. Вампирское понятие, отражающее не только кровное, но и душевное родство. (**Строди** – брат крови.)

кого, испятнавшие рубашку Связиста, и, осторожно притронувшись к относительно чистому месту его одеяний кончиками пальцев, шепнул заклятие перемещения. Исчезновения инициатора попойки в «Поющей свинье», как водится, никто не заметил.

Через долю секунды незваные посетители, обойдя с помощью заклятия телепортации кордон из бдительных пажей, стояли на белом ковре в будуаре принцессы. Восприятие времени, быстро настроившееся на родной мир, мгновенно подсказало Энтиору, что сейчас в Лоуленде раннее утро, начало девятого. Явственное ощущение божественной силы сестры, исходящее от дверей спальни, недвусмысленно указывало не только на местонахождение, но и на род занятий Элии. Мысленно посочувствовав самому себе, вампир указал Связисту на диванчик, а сам с куда большими смелостью и уверенностью, чем те, которые ощущал в глубине души, приблизился к дверям и тактично постучал. Выждав минуту, принц сплел заклятие односторонней связи без активации чар видимости и молитвенно позвал:

– Стради, прошу, не гневайся, но я в большой беде. Мне крайне необходим твой мудрый совет. Не будешь ли ты так любезна уделить мне каплю своего драгоценного времени и внимания. Я и Связист сейчас находимся в твоём будуаре.

– Ждите, мучители, – последовал спустя три минуты весьма сердитый ответ, и заклятие вампира развеялось дымом.

Энтиор улыбнулся, не скрывая облегчения, и, сбросив тяжелый плащ на вешалку у двери, опустился на другой угол диванчика, как можно дальше от Связиста, и приготовился ждать столько, сколько понадобится. Единственное кресло вампир тактично оставил для сестры, а пухомком пренебрег, сочтя, что его черные кожаные одежды будут, по меньшей мере, нелепы в сочетании с бежевым атласом низкого сиденья.

Спустя полчаса двери спальни распахнулись, и мимо Связиста и Энтиора, не преминув вежливо кивнуть ожидающим, проследовали Итварт и Дарис. Воители вели между собой весьма содержательную беседу на отвлеченно-философскую тему. Связист одобрительно прищелкнул, а принц скрыл под маской ледяного безразличия легкое удивление. Нет, разумеется, вовсе не извращенностью сестры, а тем, что в яростном, страстном, маниакально ревнивом Лоуленде нашлась пара мужчин, способных не только не перегрызть друг другу глотки в борьбе за милость богини любви, а мирно пользоваться ее благосклонностью сообща.

«Впрочем, – решил принц, – Ни Дарис, ни Итварт не являются лоулендцами по рождению. Вероятно, именно этим и объясняется их терпимость друг к другу».

После ухода воинов явились пажи и сноровисто сервировали невысокий, но весьма вместительный благодаря раздвигающейся столешнице стол для завтрака на троих. Связист тут же потянул руку к блюду с еще дышащей жаром сдобой, но Энтиор так грозно глянул на него, что бедолага поспешно отдернул руку и громко вздохнул.

Прошло еще минут семь напряженного ожидания, и в будуар вплыла Элия с распущенными волосами, в легком домашнем платье цвета темного серебра. Ткань эффектно колыхалась вокруг ее тела, делая богиню похожей на капельку ртути весьма аппетитной формы. Единственным украшением принцессы была большая каплевидная серая жемчужина на тонкой серебряной цепочке, обвивавшей лебединую шею.

– Привет, Элия! – радостно выпалил Связист и жалобно спросил: – Ну теперь-то уже можно есть?

– Можно, – рассмеялась принцесса, кивнув приятелю.

Энтиор моментально оказался на ногах и, склонившись перед своей стради в глубоком поклоне (так принц не кланялся даже Лимберу), запечатлел на тыльной стороне ее запястья вежливый поцелуй. Элия опустилась в кресло, с помощью магии мановением руки налила себе горячего шоколада из пузатого керамического кувшинчика с заклятием сохранения тепла, вдохнула божественный запах, сделала пару глотков и спросила:

– Ну и во что вы влипли?

Вместо ответа вампир обвел будуар взглядом и слегка выгнул бровь.

– Говори спокойно, на моих покоях постоянная защита, – фыркнула Элия и взяла воздушный пирожок с начинкой из печенки, рубленого яйца и зелени.

– И еще какая, – протянул Связист с полным ветчинными рулетиками ртом и невольно поежился.

– Все действительно очень серьезно, дорогая! Поверь, я никогда бы...

– Энтиор, к делу, – попросила принцесса и риторически спросила у себя самой: – И почему только я не ушла в миры сразу после того как разгребла всю гору проблем, которую свалил на меня любимый папа?

– Ты чувствовала, что я приду, чтобы пасть к твоим ногам с мольбой о помощи, – ответил Энтиор и, налив себе бокал красного вина, начал рассказ, машинально отщипывая виноградинки с грозди лунника, украшавшей громадное блюдо со свежими фруктами, и складывая их себе на тарелку. – Видишь ли, любимая, некоторое время я являюсь адептом Темного Братства.

Связист икнул от удивления, только сейчас уяснив, кто конкретно его заказал, сцапал для утешения сразу три пирога покрупнее и налил себе шоколада.

– Некоторое – это сколько? – иезуитски уточнила Элия, одновременно дирижируя леви-тирующими ложками, накладывающими салаты на ее тарелку.

– Около четырехсот лет, – скромно признался вампир, опустив длинные черные ресницы на ледяную бирюзу глаз.

– Как неосмотрительно, – неодобрительно поморщилась богиня логики.

– Прежде никогда членство в этом ордене не доставляло мне неприятностей. Я считал его своеобразной игрой, невинным развлечением для своей темной сути, – попытался оправдаться бог.

– Сколько сети ни плестись... Четыреста лет назад меня еще не было рядом, чтобы вовремя напомнить: ты от кончиков клыков до последней пяди кишок принадлежишь Лоулунду и не имел права вступать в сделки, потенциально опасные для семьи и мира. Ладно, шлепать тебя по заду все равно поздно. Что стряслось?

– Возникла серьезная проблема. Вчера мне дали задание, которое я не в силах выполнить, но и признать невозможность его выполнения я тоже не могу. Ты права, стради, гнев Братства будет сокрушительным, его карающая длань обрушится на меня, мою семью, мой мир...

– Хватит, дорогой, не паникуй раньше времени. В чем конкретно состоит поручение?

– Убить Связиста, – точно, кратко, по существу вопроса ответил вампир.

– Давно пора было Суду Абсолюта запретить эту организацию как подрывающую устой мироздания, – мстительно заметила Вольная Сила. – Это ж надо, чего удумали, вандалы, убить меня! Такого замечательно, такого уникального и вообще красивого и любимого!

– Зачем Темному Братству смерть Сил? – задумалась принцесса, даже поставила чашку и на секунду отложила серебряную вилочку.

– Я не думаю, что они четко понимали, на кого именно мне надлежит открыть охоту, но если я не смогу справиться с заданием, это не сочтут смягчающим обстоятельством, – ответил Энтиор, отправив в рот одну виноградинку, прокусив ее нежную кожицу острым клыком и медленно выдавив сок языком. У принца совершенно не было аппетита из-за нервных переживаний. – Я и сам-то понял, кто жертва, только когда увидел воочию.

– Тогда почему ты решил, что дичь – Связист? Возможно, здесь какая-то ошибка? – нахмурилась богиня.

– Исключено. Вот, посмотри, стради. – Вампир извлек из кармана книжицу-портрет и передал Элии.

Принцесса приняла вещицу из темного металла, раскрыла ее, глянула на переливающееся изображение и пораженно выпалила:

– Энтиор, драгоценный мой, ты слепой болван!

– Но... Но почему? – опешил вампир от такого открытого оскорбления из уст любимой сестры, знающей о его тонкой организации и чувствительной душевной структуре. – Я могу поклясться, на портрете изображен именно Связист. Даже эти странные переливы, наверное, отражение его бестелесной формы.

– Потому что это не портрет, а Карта Колоды Джокеров! – воскликнула Элия, пристукнув кулачком по подлокотнику кресла.

– Что-о-о?! – в два голоса воскликнули мужчины.

– Какой Колоды? – весьма заинтересованно уточнил Связист, опустошая разом пол-кружки с шоколадом. – Что за дичь про Джокеров? Это же легенда!

– Ты уверена, Элия? – Красавчик Энтиор нахмурился таким удивительным образом, что ни одна морщина не пролегла по алебастровому челу. – Стиль похож, но не идентичен, да и по силам ли смертному столь загадочное изображение двух ипостасей Силы одновременно?

– Почти уверена. Вероятней всего, стиль потому и не похож, что Либастьян писал портрет Силы. К тому же безумный художник был не простым человеком, в минуты сотворения Колоды его рукой водило пророческое вдохновение, ниспосланное Творцом. А что до доказательств... Надо вынуть портрет из оправы и посмотреть на его рубашку, – предложила принцесса рациональный способ подтверждения догадки.

– Элия, это же серый каурим! Он поддается плавке лишь однажды, второй раз сей металл не под силу расплавить или сломать даже дракону, – воскликнул Энтиор, манерно взмахнув рукой, правда, за неимением пышных кружев на черной кожаной рубашке этот жест не получился столь умопомрачительно-эффектным, как обычно. Смочив губы в вине, принц, оправдываясь, прибавил: – А в этот еще и заклятия вплетены!

– Я и не думала поручать эту задачу тебе, дорогой, у меня есть на примете кое-кто другой. Надеюсь, заодно он поможет и в решении вашей со Связистом маленькой проблемы, – улыбнулась принцесса, в дополнение к салатам положив себе горячее, и начала лакомиться нежнейшим мясом цыпленка под кисло-сладким соусом.

– Ха, было бы здорово, – оптимистично воскликнул Связист, сметая все, что имелось на столе – от мяса до воздушных пирожных со сливками, – с аппетитом, несколько не пострадавшим от происходящих драматических событий. Силы очень быстро успокоились, рассудив, что раз за дело взялась Элия, являющаяся, по выражению его хороших приятелей принцев, самой хитрой стервой во Вселенных, значит, можно вообще ничего не опасаться. – Мне, знаешь ли, от Темных Братьев по Уровням не с руки бегать, этак и поразвлекься как следует не получится.

– Маленькой проблемы? У тебя своеобразное представление о величинах, стради, – уязвленный тем, что угроза его бесценной жизни представляется сестре столь незначительной неприятностью, тихо фыркнул Энтиор, впрочем, не проявляя своего негодования слишком сильно, а то, чего доброго, сестра разгневется и вовсе лишит его помощи.

Привычно игнорируя недовольный комментарий эгоцентричного вампира, Элия в долю секунды сплела заклятие связи и лукаво позвала:

– Я нашла темную половину твоей пропажи. Не желаешь взглянуть, когда выпадет свободная минутка?

– Желаю! – мгновенно отозвался кто-то, невидимый мужчинам, рыкнул что-то странное с массой шипящих звуков, получил громогласный ответ в том же ключе вперемежку с ревом, и вот уже в будуар принцессы прямо из воздуха, на мгновение ставшего воронкой холодной тьмы, шагнул великолепный мужчина и Повелитель Межуровня по совместительству – лорд Злат.

Его свободные алые одеяния из драгоценного шелка арадов, расшитые изумрудной и золотой нитью, перехваченные в талии широким черным поясом с подвешенными к ним ножами с тяжелым длинным клинком ничуть не походили на модные длинные камзолы полулендски и совсем не соответствовали нежным бежевым оттенкам будуара богини. Но Повелитель Межуровня не счел необходимым тратить время на процедуру переодевания. Слиш-

ком заинтриговало его известие, принесенное Элией. Впрочем, ничуть не меньше его привлекла и сама богиня в домашнем (то есть чуть более коротком, чем требовал придворный этикет) платье.

Привычно не замечая никого, кроме принцессы (это выходило у Злата так естественно, что, по мнению гордеца Энтиора, было куда хуже любой демонстративности), мужчина прошел к креслу Элии. Запечатлев по вампирскому обычаю на ее щеке интимный приветственный поцелуй, с обычной язвительностью, прикрывшей легким флером его явный интерес, Дракон Бездны словно между делом бросил:

– Так что ты хотела мне показать, малышка? Ни твой заигрывающий с Тьмой клыкастый родич-мальчишка, ни Сила, предпочитающая притворяться созданием из плоти, в моих владениях не пропадали.

– Вот. – Элия протянула Злату злополучный портрет.

– Хм, – выгнул смоляную бровь Повелитель Путей и Перекрестков. – Я почти готов поверить в Судьбу и промысел Творца. Это действительно Карта Колоды!

– О да! Спящее излучение было скрыто весьма искусно, поглощено плетением металла и магии, оно лишь сейчас из-за близости Связиста начало прорываться из-под спуда заклятий. Ты можешь достать Карту? – попросила богиня, точно девочка, умоляющая старшего брата подать ей конфетку с полки высокого буфета. – Хотелось бы взглянуть на надпись.

– Разумеется, – небрежно пожал плечами Злат и, взяв книжицу в ладони, сложенные лодочкой, слегка подул в них.

«И дыханье Дракона Бездны – есть Темный Пламень и Хлад Первозданный...» – мысленно процитировала принцесса, с жадным исследовательским интересом наблюдая за тем, как под действием дыхания Повелителя Путей и Перекрестков оплывает, точно свеча, неразрушимый каурим, освобождая хорошо знакомую пластину Карты из Колоды Джокеров. «Интересно, он может воздействовать на два различных предмета выборочно или просто Карта не поддается Темному Пламени?» – мгновенно задалась вопросом богиня, но не стала произносить его вслух. Злат мог не оценить страсти Элии к лабораторным опытам, производимым на его персоне.

Но даже у великих Драконов Бездны бывают промашки, все-таки Злат не соразмерил своих титанических сил, и часть Темного Пламени миновала его ладони, задев краем вешалку. Кусок полированного белого дерева и треть плаща Энтиора просто испарились. Впрочем, этому инциденту никто не придал большого значения. Злат сжал расплавленный каурим в жалкий комоч, дунул на него и на Карту еще раз, вернее всего для охлаждения, и, бросив то, что осталось от обложки, на стол рядом с пирожками, повертел в руках пластину.

– Туз Сил, – провозгласил Повелитель Межуровня, усмехнулся краем рта и впервые соизволил внимательно посмотреть на Связиста, действительно признав его существование. – Да, Элия, Его пути неисповедимы...

– Какой Туз? Вы о чем? Ну объясните же, пока я в ИК не полез! – взмолился изнывающий от любопытства Связист и заерзал на диване.

– Не вздумай! – разом рывкнули все трое – Злат, Элия и Энтиор, а от принцессы нетерпеливому досталось еще и метко пущенным в лоб абрикосом.

– Ладно, ладно, погожу куда, – примирительно пробормотал Связист, подобрал сочный снаряд и сунул его в рот.

– Кстати, малышка, а почему ты решила, что сей предмет именно моя пропажа? – нахмурился Повелитель, неторопливо прохаживаясь по будуару и разглядывая портрет.

– Потому что Энтиор получил его вчера от Темного Братства вместе с заданием найти и уничтожить изображенного, – пояснила Элия, раскрыв цепочку своих умозаключений. – Логика Темных, мало похожую на обычную, проследить несложно. Она укладывается в схему:

«Белый убил ради этой картинки темное создание, значит изображенная персона опасна для дела Тьмы, потому ее надлежит устранить».

– Ты не допускаешь мысли, что Братству известно о Картах, и оно ведет собственную игру и собственный сбор Колоды ради уничтожения конкурентов?

– Я не считаю ее верной. Колода Джокеров – вещь для избранных, лишь они могут не только видеть Карты, но и осознавать то, что увидели. Наши невольные эксперименты со случайными свидетелями это подтверждают. Не связанные с пророчеством и его исполнителями если и способны разглядеть изображение, не воспринимают его во всей полноте и не могут прочесть надписи. Лейм как-то рассказывал о термине «защита от дурака», который используют в техномирах, думаю, мы столкнулись с чем-то похожим, исполненным на гораздо более высоком уровне. Потому уверена, Карта Связиста – твоя пропaja, – выложила собеседнику стройную цепочку доводов богиня логики. – Тасуется Колода, нити свиваются в единое полотно.

– Как я понимаю, меня снова будут просить о помощи? – коротко и не без снисходительного высокомерия улыбнулся Злат.

– Ты верно понимаешь свой долг, – улыбнулась в ответ принцесса.

– Долг? – громыхнул голос Повелителя, Дракон Бездны взвился на дыбы и словно дикий необъезженный жеребец резко повернулся к богине. Взметнулись полы алого одеяния, сошлись на переносице густые брови, полыхнули изумрудным пламенем глаза.

– Как Ферзь Колоды ты должен помочь ее Тузу сохранить жизнь, – не обращая внимания на выходки друга, запросто заявила богиня, пожав плечами. – В случае с Риком версия о взаимной ответственности Карт получила первое подтверждение. Разве ты не чувствуешь этого?

– Я делаю только то, что желаю, и никто, моя леди, *никто* не смеет отдавать мне приказов, – заявил Злат совершенно спокойно, но от этого спокойствия веяло такими лютыми холодом и тьмой, что Энтиору и Связисту захотелось стать невидимками или, на худой конец, спрятаться под диван. Вампир почувствовал, как душу его задел крылом первозданный Мрак, и признал, что тысячу раз был прав Повелитель Межуровнья, называя его мальчишкой, заигрывающим с Тьмой.

– Вот именно, – не стала спорить богиня. – *Он* хитро все устроил. Ты ведь желаешь помочь Связисту, разве не так?

– Ради Колоды или ради твоих дивных серых глаз, моя красавица? – резко успокоившись, призадумался Злат, пытаясь постигнуть уловки Творца.

– Какая, собственно, разница, – рассмеялась Элия. – *Он* все равно добивается своего, нам остается только расслабиться и получать удовольствие.

– Это обещание? – промурлыкал Повелитель Межуровнья, и огонь в его глазах превратился в совсем другое пламя.

– Это констатация факта, – с намеком на обоюдный интерес ответила богиня, закидывая ногу на ногу так, что обнажилась изящная щиколотка, обвитая тонкой нитью серого жемчуга, поддерживающего легкую атласную туфельку. – Думаю, ты на некоторое время спрячешь Связиста в Межуровнье, покажешь ему другие Карты, перескажешь пророчества. Мы все вместе, дабы обеспечить безопасность Туза Сил, подумаем, как Энтиору поправдивее ввести в заблуждение Верховного маршала Темного Братства касательно исполнения его поручения. Темный должен поверить: тип, изображенный на портрете, скончался в муках, претерпев массу изощренных пыток.

– Эй, а почему мне все-таки нельзя слазить в ИК? – весьма своевременно, опасливо прикрывая лицо от других снарядов богини (у нее под рукой как раз сейчас были кувшин с остатками шоколада и пара соусников), поинтересовался Связист, давая Злату время переварить предложение принцессы.

– Потому что любой, кто неосмотрительно начинал тайком или открыто любопытствовать о Джокерах и Колоде, очень быстро отправлялся в другую инкарнацию или попросту исче-

зал бесследно, – коротко сообщила богиня. – Это касается как пророков, так и простых смертных, погнавшихся за слухами и чудесами. Мы свободно разговариваем обо всем только потому, что Злат поставил личную защиту на мои покои. Судя по всему, эта информация опасна для любого. Ты вот много ли знаешь о Джокерах?

– Это легенда, очень старая легенда, – хмыкнул Связист. – Конечно, мы, я имею в виду Силы, знаем, что они придут, чтобы изменить Вселенную, но и только. Суть замысла не была нам открыта. Но если я пожелаю поглядеть ИК, что может случиться? Я же Сила? – пожал могучими плечами свежепровозглашенный Туз.

– За ИК и доступом к нему следят не только создания высоких энергий. И лично я, хоть и не занималась предметом вплотную, знаю три способа уничтожить Силы, – резко пояснила Элия, взяв из вазы яблоко и нарезав его на мелкие дольки. – Я имею в виду твою тонкую структуру, а не телесную оболочку, которую так легко можно трансформировать или воссоздать заново.

– Блин, – только и смог выдохнуть пораженный Связист и с опаской не меньшей, чем взирал на Злата, глянул на принцессу. От Повелителя, пугавшего Силы одним фактом своего существования, можно было ожидать любой пакости, но не от Элии, которую Вольные Силы считали своим настоящим другом.

– Оладья, – огрызнулась богиня, уязвленная этим страхом хорошего приятеля. – Поэтому, умоляю, если хочешь жить сам и не желаешь смерти всем нам, не трепись о Колоде направо и налево, не говори об этом ни с кем, кроме ее членов, даже с Силами.

– Договорились, – вздохнул Связист, примирительно поднимая большие ладони. – Не волнуйся, я не хочу подвести тебя и парней. Они ведь тоже в деле?

– Увязли по самые уши, – уже спокойней усмехнулась принцесса, на собственной персоне демонстрируя вилочкой вместо указки степень глубины погружения.

– Ну, раз так, я готов отправиться в Бездну с ее Повелителем, – криво улыбнулся Связист, искоса поглядев на грозного лорда Злата, и встал с маленького диванчика. – Никогда бы не подумал, что доведется искать там помощи и защиты.

– Ты думаешь, я планировал спасать самые чокнутые Силы Уровней, укрывая их в своих владениях? – выгнув бровь, удивился Повелитель Межуровня и улыбнулся коротко, но настоящему, ибо признавал юмор ситуации.

– Не-а, – честно ответил Связист, расплываясь в ухмылке. Пусть он чувствовал себя дико, но только сейчас подумал о том, какой, должно быть, несусветной дичью кажется все происходящее грозному Владыке Демонов, привыкшему к вечному одиночеству. – Спасение это вообще не по твоей части, вот если бы погубить безвозвратно или закружить в Туманах Обмана...

– Пойдем, тебе еще многое предстоит увидеть и узнать. Когда понадобится моя помощь в сочинении легенды для этого, – Злат обернулся к Элии и слегка кивнул головой в сторону Энтиора, – дай мне знать.

– Разумеется, – ответила принцесса одним из любимых словечек мужчины. – Только твоя магия способна придать нашей наглой выдумке реалистичность. Мы обговорим все детали и решим, как именно преподнести эту историю Верховному маршалу Темного Братства, чтобы он остался доволен.

– Пусть только попробует не поверить, – многообещающе ответил Злат, опуская руку на могучее плечо Связиста и подталкивая его в сторону возникшей посреди будуара богини зеркальной воронки вполне подходящего для двух мужчин размера.

– Почему-то мне кажется, что Верховному маршалу лучше принять твой рассказ за истину, – с задумчивой мстительностью констатировала богиня, когда Злат и Связист исчезли из Лоуланда. – Глядишь, Темному Братству и удастся избежать кадровых перестановок в верхах.

– Надеюсь, стради, – вздохнул Энтиор, опустошая свой бокал маленькими глоточками. – Ты уверена в том, что *он* поможет?

– Не стоит недооценивать готовность Злата помочь только потому, что он считает тебя немногим более значительной персоной, нежели пустое место. Ради Колоды и ради меня он сделает все, что нужно, – наставительно ответила богиня, вновь принимаясь за прерванную трапезу.

– Но это так оскорбляет, – нервно сплел пальцы и манерно поморщился вампир, за время беседы со Златом успевший ощипать громадную гроздь лунника, но так и не съевший ни ягодки.

– Лучше быть оскорбленным, но живым, а не наоборот! – подмигнула заносчивому брату принцесса, отправляя в рот порцию салата.

– С этим не поспоришь, – нехотя согласился принц, вновь наполняя свой бокал.

– Поешь, и как говорит Кэлер, жизнь сразу покажется проще и лучше, – посоветовала Элия, левитируя к брату тарелку его любимых крылышек под соусом. – А заодно и подумаем, как обмануть Братство.

– Столько я точно не съем. Старик хитер, он чует истину и ложь, а что мне сказать ему насчет этого безобразия? – медленно сбрасывая специальными щипчиками на пустую тарелку несколько крылышек, вампир указал взглядом на жалкий комок каури – все, что осталось от изящной магической вещицы.

– Значит, мы должны составить твою речь так, чтобы в ней не было ни одного слова лжи, а каури и исчезновение портрета послужат дополнительными доказательствами правдивости твоего рассказа, – совершенно логично ответила богиня. – Ну взбодрись же, дорогой, тебе ли занимать хитрости и коварства, лорд-дознаватель Лоуланда?! Прими это как вызов своим талантам и сыграй очередную партию! Сыграй! Получится – прекрасно, а нет – так Злат разнесет все Братство к демонам, и дело с концом!

– Ты права, стради. – Энтиор выпрямился на диване, и в его глазах проскользнули искра разгорающегося интереса и свет истинной гордости принца Лоуланда. – Я вел себя недостойно звания Высокого Лорда. Это моя проблема, и я должен разобраться с ней сам, насколько это возможно. Простишь ли ты мою слабость?

– Конечно, – ответила Элия, слишком хорошо понимавшая брата, подчас казавшегося ей отражением темной части собственной души.

Энтиор склонил голову в благодарном кивке и, взяв руку принцессы в свои ладони, поцеловал ее тонкие пальчики с искренней, столь редкой для его холодного сердца нежностью, потом спросил:

– Кстати, дорогая, а почему ты назвала Карту Туза Сил пропажей Повелителя?

Глава 5

От любви до ненависти и обратно

Не только Элия пахала на благо родного государства в эти последние летние деньки, не обремененные событиями придворной жизни. Элегор тоже не терял времени даром. Владелец богатного и самого доходного в королевстве герцогства Лиена совершал ежегодную сезонную инспекционную поездку по своим обширным владениям. Но как ни любил молодой бог прекрасного вина и всех мелочей, прямо или косвенно связанных со священным процессом его изготовления, даже неиссякаемого запаса энтузиазма, энергии и практической сметки Элегора оказалось недостаточно. К концу длительного процесса инспектирования, вмещавшего в себя объезд владений, просмотр документации, беседы с работниками, управляющими и тысячу иных дел, герцог был почти готов отправить заклятие связи Рiku и Клайду. Принцы неоднократно изъявляли желание приобрести «бизнес» целиком или хотя бы войти в долю. Бог авантюристов зверски устал от необходимости быть собранным, организованным и вдумчивым, хотелось сорваться куда-нибудь в миры и устроить там что-нибудь этакое: землетрясение, ураган, попойку, славную драку или дебош в борделе, а может, и все разом. Но несмотря на это герцог не мог не признать, что получил от работы удовлетворение.

Благодатный Лиен, великий, щедрый и ревнивый, требовал великих сил и любви, но молодой герцог прекрасно понимал, что никогда и ни за что не оставит земли, доставшейся по наследству и поначалу воспринимавшейся им как простая обуза. Элегор и сам не мог бы сказать, когда и как все изменилось, но в какой-то момент молодой хозяин Лиена почувствовал, что не может отделить себя от любимого герцогства, что забота о нем стала одним из самых важных и нужных дел в его шальной жизни. И, наверное, одним из редких созидательных занятий. Он знал, что может устроить управление своими землями так, как это велось, скажем, у Элии, нанявшей с помощью Рика умелых управляющих (вдобавок, кстати, проверенных Тэодером на предмет темных связей как в прошлом, так и в настоящем), но уже не желал этого. Элегору требовалось повзрослеть, чтобы осознать простой факт: Лиен по-настоящему стал его домом, детищем и любовью. Но даже от самых любимых нам нужно отдыхать хотя бы изредка, чтобы крепкое нежное чувство не превратилось в столь же неудержимую ненависть.

Для начала Элегор решил завернуть в королевский замок и поболтать с кем-нибудь из чокнутой семейки Лимбера, послушать последние новости, поупражняться в колком остроумии. Как назло, Лейм опять пропал где-то в неизведанных краях, зато (об этом сказал знакомый стражник в холле) Элия была дома.

«Леди Ведьма, – обрадованно решил соскучившийся Элегор, – как раз то, что мне сейчас нужно!»

Герцог почти бегом, а так он перемещался всегда, кроме ситуаций, строжайше регламентированных правилами этикета и не допускавших стремительности, добрался до апартаментов принцессы и, миновав молоденького смазливового пажа, едва успевшего распахнуть рот для вопроса о цели визита, ворвался в гостиную. Голос принцессы доносился со стороны будуара. Недолго думая Элегор ворвался туда, отодвинув раздвижную дверь до упора.

– Прекрасный день, леди Ведьма! Я тут подумал... – радостно провозгласил бог и замер на середине фразы с окаменевшим лицом.

Элегор увидел того, с кем вела беседу богиня до его появления. Принц Энтиор! Проклятый тошнотворно элегантно и омерзительно безупречный вампир, вечно путающийся у герцога под ногами. Ледяная сволочь, гадкий кровосос, портящий жизнь! Единственный из семьи Лимбера, кого молодой бог ненавидел по-настоящему и кого охотно вызвал бы на дуэль, не

только повинуюсь сиюминутному душевному порыву (пришибить любого из принцев, иногда даже друга Лейма, герцогу хотелось частенько), но и находясь в совершенно ясном рассудке.

– Прекрасный день, герцог. Вы хорошо подумали? Искренне рада! Когда-то надо было начинать, и вот на второй сотне лет у вас наконец-то начало получаться! – приветливо улыбнулась принцесса и махнула в сторону диванчика. – Это стоит отметить, присаживайся! Энтиор, не нальешь ли нашему гостю вина?

– С удовольствием, – промурлыкал вампир, смерив юнца игривым взглядом с примесью легкой неодобрительности: для визита в королевский замок герцог не удосужился даже надеть камзол, жакет или, на худой конец, жилет, так и явился в простой белой рубашке и своих обычных черных брюках с серебряной строчкой. Правда, и сам бог элегантности сегодня не блистал изысканностью наряда – оставался в черных охотничьих одеждах – но у него на то были весьма веские причины, а не обыкновенная безалаберная небрежность, коей руководствовался Элегор, одеваясь по принципу: не голый, не рваный, чистый, удобно – и ладно. А шалаш из волос с вечно выбивающимся клоком у лба? Нет, герцог никогда не умел наряжаться и причесываться сообразно со своим высоким положением. И что с того, что эта безалаберность ему шла? Бог этикета никогда не упускал возможности в подходящей компании перемыть косточки сумасшедшему Лиенскому.

Энтиора, раздосадованного опасным поручением Верховного маршала, повлекшим череду неприятностей, весьма утешила явственная, сочная ненависть Элегора, плывавшая как костер в душе бога, и он, обыкновенно находивший выходки молодчика возмутительно забавными, пожелал подбросить дров в этот чудный огонь. Лиенского перекосило, он мгновенно понял, что проклятый бог-садист на сегодня из двух своих любимых способов доведения герцога до степени каления – ледяного презрения и сладострастного интереса – выбрал второй, наиболее тошнотворный. Но отступать было поздно, тем более что ехидная принцесса уже вопрошала, кивая на маленький диванчик рядом с Энтиором:

– Присоединяйтесь же к нашей трапезе! Ну что же вы, герцог, мешкаете? Неужели стесняетесь?

– Вот еще, было бы кого! – фыркнул Элегор и решительно плюхнулся на диван, нарочито придавив поджарым задом кожаную полу длинного жилета франта. Более подходящей и остроумной реплики как назло на язык не подвернулось.

– Прошу! – Вампир протянул герцогу бокал с красным вином. Профессиональным взглядом дегустатора Элегор тут же опознал «Лиенский закат».

Делать нечего, пришлось дворянину взять бокал и пригубить вино, хотя больше всего хотелось выплеснуть его содержимое в самодовольную морду вампира (пусть обтекает, тварь!). Передавая фужер, Энтиор не упустил возможности недвусмысленно скользнуть по руке Элегора, погладив бледными пальцами загорелую кожу молодого мужчины. Отвернувшись от вампира, но не отодвинувшись (пусть его безупречный костюмчик помнется!), бог пододвинул к себе блюда с ягодами лунника и запеченными окорочками каких-то мелких птиц. Сдобы бог никогда не любил. Вкус отменного красного вина, зрелого винограда и хорошо приготовленного мяса с ароматными приправами не могло испортить даже соседство ненавистного принца. Энтиор, глядя на то, как сосед поглощает ощищенный им в нервических раздумьях виноград, не мог сдержать улыбки.

– Давно не виделись, герцог. Чем занимались, сколько миров успели поставить с ног на голову, скольких врагов нажили, какого числа смертных приговоров добились? – поддержала беседу богиня.

– Увы, – скорчил гримасу Элегор, стараясь изо всех сил игнорировать близость Ледяного Лорда и не обращать внимания ни на ощущение крепкого мужского бедра, прижимавшегося все теснее к его ноге, ни на запах лаванды и лесной свежести, коим веяло от вампира, ни на примешивающийся к ним привкус свежeproлитой крови. – На развлечения времени не было!

Не всем же на балах порхать и из постели в постель кочевать. Дела Лиена требовали моего пристального внимания. Чтобы герцогство приносило доход, приходится, знаешь ли, немало работать! Кстати, ты не в курсе, где сейчас обретается Лейм?

– Понятия не имею. Я так увлеклась балами и постелями, – ответила Элия, припомнив грудку королевских документов, – что совершенно перестала следить за перемещениями младшего кузена. Знала только, что ты не с ним, а значит, никакой беды малышу не грозит.

Некоторое время Элия и Элегор, от души наслаждаясь беседой, перебрасывались завуалированными или откровенными колкостями. Придумывая очередную шпильку поостроумнее, герцог почти забыл про соседство ненавистного Энтиора. Но вампир, завершив завтрак, очень скоро напомнил о себе. Промокнув яркие губы тонким кружевом салфетки, бог откинулся и завел руку на спинку диванчика прямо за спину Элегора. Как будто ненароком касаясь густой черной шевелюры герцога и совершенно явно, словно бы между делом, положив вторую руку ему на колено, принц с вежливой двусмысленностью предложил:

– Рекомендую отведать крылышки гуары, герцог! Это восхитительное своеобразие способен оценить лишь истинный знаток, не пренебрегающий экспериментом со вкусами и постигающий их истинную глубину.

– Благодарю, я, пожалуй, воздержусь, – сквозь зубы процедил Элегор, пытаясь с небрежной брезгливостью, как кусок какой-то тухлятины, спихнуть руку вампира со своего колена. Но такая легкая казалось бы алебастровая кисть будто приросла к ткани.

– О, мальчики! – всплеснув руками, низким грудным смехом рассмеялась богиня. – Наверное, мне стоит удалиться и не мешать вашему уединению? Или, быть может, вы желаете воспользоваться спальней?

– Мм? – Принц бросил на молодого бога откровенно приглашающий взгляд.

Ледяной Лорд явственно давал понять, что его интерес к плоти Элегора мешается с откровенной насмешливой издевкой и самолюбивым сознанием того, что, несмотря на всю ненависть, питаемую герцогом к своему мучителю, тот не может до конца избавиться от противоестественной тяги к чувственному холоду вампира. Тяги, густо замешенной на детском страхе, застарелой неприязни и страданиях.

– Чтоб вы провалились к демонам в бездну, семейка извращенцев! Меня воротит от вас! Да я скорее с жабой пересплю, чем с такой тварью! – Не в силах больше терпеть соседство Энтиора и понимая, как по-идиотски он будет выглядеть, затеяв банальную драку или вызвав вампира на дуэль, Элегор вскочил с дивана, сплюнул на ковер и исчез.

– Фи, герцог! Как грубо! – хором поморщились Элия и ее брат, но их показательных гримас и последних слов Элегор уже не услышал.

– Ах, меня опять отвергли! – с задумчивой скорбью констатировал принц, закатывая глаза и манерно прикрывая их рукой. – Что же делать?

– Выпить еще вина, – предложила Элия и маленьким заклятием убрала плевок Элегора, каким-то чудом не прожегший дыры в ковре.

– Пожалуй, поможет, – усмехнулся вампир и добавил: – Все-таки ты права, этот малыш бывает таким забавным. Хорошо, что ты всегда останавливаешь меня, когда я желаю его убить.

– Еще бы. Ты, эгоист, развлечешься один раз, а потом все мы скучать будем, – подтвердила не без улыбки Элия, погрозив брату пальчиком.

– Его сложно убить, – оправдался Энтиор, мечтательно зажмурился и, должно быть, увидел в грезах свою любимую пыточную камеру, – он живучий. Очень живучий! До сих пор выкручивался из всех моих ловушек! – В последней фразе вампира послышалась даже толика удивленного восхищения истинного исследователя. – Ему очень везет!

– Лучше использовать такие живучесть и везение наиболее выгодным для нас всех образом, – разумно предложила принцесса, лакомясь десертом из свежих фруктов со взбитыми сливками и жидкой карамелью. – История с Колодой Джокеров еще не закончена, и в ней, на

мой взгляд, немалое место занимает глава о герцоге Лиенском. Не хотелось бы однажды обнаружить, что она оборвалась на середине.

– Ах да! Карта Ферзя из Межуровня – его работа, – признал справедливость слов сестры вампир, задумавшись о странных играх Сил Судьбы. Если бы вездесущий сумасшедший Элегор, заинтригованный рассказом Элии о Колоде, не отправился на поиски и не нашел Карту Злата, то Повелитель Путей и Перекрестков не стал бы сейчас помогать ни Связисту, ни самому Энтиору. – Что ж, признаю справедливость твоих слов, стради. Герцог – нужная фигура на доске в этой игре. Я поумерю жажду его крови.

«Ты еще даже не знаешь, какая нужная, дорогой мой, – к своему счастью, а то бы лишился покоя и сна», – мысленно ответила брату ехидная принцесса.

Элегор был жутко зол на насмешницу Элию, ее клыкастого братца и даже на самого себя за то, что не смог выдумать какого-нибудь выхода из того положения, в которое его загнали принц и принцесса. Стоило бы им выдать что-нибудь эдакое, чтобы раз и навсегда перестали донимать его! Но, как назло, ничего более «эдакого», чем затеять с братцем богини банальный мордобой, молодому герцогу не сообразилось ни в сам момент оскорбления, ни позднее. В конце концов Элегор решил плюнуть не только реально, но и фигурально на проклятую парочку, к тому же ему хотелось и навестить лучшего друга. Конечно, у Лейма бывали пограничные состояния: зубодробительной деловитости, серой меланхолии или крайней мечтательности, но чего ему никогда не приходило в голову, так это попробовать переспать с герцогом, да и другом младший член королевской семьи был верным, испытанным общими радостями и печалью. К нему, просто сориентировавшись по божественной силе присутствия, и перенесся бог, взбешенный завтраком в обществе извращенца Энтиора.

Элегор оказался в довольно далеком от Лоуланда измерении. Там только начинался рассвет. Розовая туманная дымка окутывала небосвод. Великолепный цветочный сад, налитый ночными росами, в котором оказался герцог, еще спал. Розы в такой многообразии форм, размеров и цветов не встречались Электору даже в Лоулендских Садах Всех Миров, где, герцог был в этом уверен, росло практически все. Совсем маленькие, не больше ноготка, розочки стелились по нежной изумрудной траве, розы-вьюнки украшали шпалеры и декоративные арки, розы-кусты обрамляли дорожки, розы-деревья торжественно возвышались над ними. Словом, одно-единственное растение в таком ассортименте и с таким вкусом декорировавшее весьма значительную территорию, бог встретил впервые.

Заросли роз, вероятно, благоухавшие днем поистине неудержимо, источали утонченный аромат, и цвета их: темная сочная зелень стеблей и листьев, алый, розовый, багряный, пурпурный, белый, пунцовый, рубиновый и карминный цветков казались нежнее и мягче.

Вид природы подействовал на взбудораженного бога умиротворяюще. Он вдохнул полной грудью утреннюю свежесть и почти не спеша, то есть быстрым шагом, двинулся по широкой дорожке, выложенной белыми плитками, к виднеющемуся невдалеке зданию из белого гранита с небольшими вкраплениями серого и голубого тарцита. Изящные очертания строения радовали глаз не меньше прелести сада. В очаровательном, пусть и слишком милом на взгляд молодого бога саду было красиво и веяло чем-то неуловимо знакомым.

«Не иначе как у Лейма очередной острый приступ романтичности. Приятное местечко для мечтаний он выбрал, – весело подумал Элегор и самоуверенно решил: – Ну ладно, пусть еще немножко погрезит, а там уж я его уговорю встряхнуться и чего-нибудь учудить!»

Наслаждаясь прогулкой, незванный гость пересек сад, и, только подойдя к распахнутым воротам с литыми обвившимися вокруг серебряных прутьев розами-лианами, Элегор сообщил, почему несмотря на то, что он никогда тут не был, место что-то ему напоминало. От него веяло силой Элии! И в самом эпицентре этой силы сейчас находился Лейм. Герцог чер-

тыхнулся и застыл на пороге церкви богини любви, единственным посетителем коей сейчас и являлся юный принц.

Конечно, для Элегора не были секретом чувства, которые друг питал к принцессе Элии. Бедолага Лейм частенько выплескивал на голову Гора романтический бред, включавший в себя немало восторженных описаний неземной прелести, ума и прочих уникальных достоинств богини любви. Принц обожал свою кузину. Чувство это столь прочно пустило корни в его романтической душе, что никакие терапевтические процедуры, проводимые Элегором (рассказы о том, какая Элия стерва, меняющая кавалеров даже чаще, чем Энтиор туалеты, знакомства с многочисленными красотками, головокружительные приключения) не могли потушить огонь любви в сердце юного романтика.

Герцог видел, как страдает друг, сочувствовал ему и злился на невозможность что-либо изменить. Ему оставалось только скрипеть зубами, когда лучезарный свет истового фанатика вспыхивал в зеленых и обыкновенно спокойных глазах Лейма, если он говорил или думал о принцессе, а ее образ всегда был с принцем наяву и во сне.

Некогда Элегор пробовал скандалить с Элией, требовал привести кузена в чувство и перестать издеваться над парнем, но проклятая баба заявила, что чувства, которые питает к ней Лейм – его личное дело, и вмешиваться она не станет, вернее, станет только в том случае, если без этого никак нельзя будет обойтись. Дворянин плюнул и больше сию тему в беседах с леди Ведьмой не затрагивал, разочарованно решив для себя, что женщина, будь она даже самой распрекрасной и могущественной на Уровне, к тому же способной получить любого приглянувшегося мужика, все равно останется злой и вредной бабой, которой проще удавиться, чем выпустить из когтей угодившую в них жертву. А вся мораль на тему нежелательности насильственного воздействия на душу выдумана для оправдания собственнического инстинкта.

И хоть Элия помогать Лейму отказалась наотрез, со временем Элегор начал робко надеяться, что друг перебесится, повзрослеет и найдет себе какой-нибудь другой, более подходящий предмет для воздыханий – или уж сразу несколько предметов. А с недавних пор герцог даже начал верить, что тот славный миг недалек, потому что в беседах Лейм все реже и реже выражал влюбленные восторги, если речь заходила о кузине, и сам этой темы не поднимал. Словом, Элегору казалось, что надежда на выздоровление есть! Но, как водится, чем слаще надежда, тем горше предстоит разочарование.

Только теперь до герцога дошло, что бедолага Лейм, устав спорить с другом по поводу своей обоже, просто замкнулся и перестал верить Элегору сердечные тайны. Несчастный принц не только не выздоровел, куда там! Болезнь прогрессировала! Наглядным доказательством сей трагедии стал сам Лейм, преклонивший колени пред алтарем со свежими розами, посвященными богине любви. И поза, и горящий нежной страстью взор, и пылкий бред, слетающий с уст бога, – все было свидетельством вопиющей ошибки герцога.

Пока Элегор обдумывал факт абсолютности своего поражения, Лейм, безгранично счастливый в собственном безумии, пребывая в молитвенном экстазе, выхватил из ножен на поясе узкий кинжал и, отхватив длинную прядь черных волос с виска, благоговейно возложил ее на алтарь любви к свежим розам, устилавшим белый мрамор. В тот же миг приношение вспыхнуло сине-серебристым светом и исчезло. Жертва была благосклонно принята. Восторженный принц со слезами умиления на глазах рассыпался в пылких благодарностях незримому предмету своего обожания.

В груди Элегора возгорелось неистовое пламя бурного негодования, замешенного на сочувствии другу, угодившему в старую как мир ловушку, злости на Элию и вообще на всех женщин, воображающих, что могут крутить мужчинами так, как им заблагорассудится, и сводить их с ума.

Герцогу, поначалу не знавшему, как поступить, то ли подождать снаружи, притворившись, что ничего не видел, то ли вообще тихо удалиться, то ли заорать и вытащить приятеля из

храма – попросту снесло крышу. Он безумно испугался за друга. Сейчас он пряди волос кромсает, а потом, глядишь, снять скальп додумается или, чего доброго, вообще вены порежет или в петлю полезет. Погляди, любимая, ничего для тебя не жаль, бери мои жизнь, кровь и душу в придачу! Как сходят с ума от неразделенной страсти к богине любви, бог успел наглядеться в Лоуленте, и никому, даже злейшему врагу, не пожелал бы такой участи. А тут лучший друг!

Словом, Элегора понесло! Герцог ворвался в храм, до тонкой красоты которого (преlestных витражей, искусной мозаики на полу, стройных колонн с резными капителями) ему уже не было никакого дела и, вырвав у Лейма из руки кинжал, завопил дурным голосом, надеясь хоть немного привести друга в чувство:

– Ты чего, совсем сбрендил, приятель?! Чего вычудить надумал? На хрена Элии сдались твои космы? Брось ты эту опасную фигню, пока не рехнулся окончательно! Забудь ее, стерву блудливую! Мало ли по тебе девок в мирах сохнет? Найди себе покрасивее и утешься. На кой сдались Элии твои возвышенные молитвы? Таких мерзавок не романтикой, а семь раз не вынимая нужно ублажать! Вон Нрэн давно уже чокнулся, пусть и дальше в бездну катится, а ты...

– Заткнись! – вскочив с колен, гневно процедил Лейм.

Отобрав у Элегора кинжал, он с силой вдвинул его в ножны. Зловеще прищуренные глаза принца блеснули неистовым огнем с явственным красным оттенком. – Ты мне друг, Гор, так не заставляй меня ненавидеть тебя, никогда больше не смей оскорблять прекрасную, совершенную женщину, которую я люблю больше жизни.

– Да ты совсем тронулся, – отступив от друга, помотал головой Элегор, и в тоне его сквозила жалость к тяжелобольному.

– Я люблю и счастлив своей любовью, – упрямо возразил Лейм, коснувшись рукой груди. К жилету принца была приколотая роза – символ Элии. – Ничто во вселенных не заставит меня отказаться от этого чувства!

– Точно тронулся, – со скорбной злостью констатировал герцог и, развернувшись, чтобы уйти, в сердцах бросил: – Что ж, если ты не желаешь прислушиваться к голосу разума, может, это сделает Элия. Надеюсь, она вправит тебе мозги, раз сумела их так свернуть! И пусть только попробует мне отказать, душу вытрясу!

Не тратя больше времени на разговор с умалишенным, Элегор вновь телепортировался в Лоулент. Пользуясь привилегией допуска, дарованной ему Леймом и утвержденной Лимбером, бог сразу перенесся в королевский замок, а точнее, чтобы не тратить времени на придворный политес, прямо в покои принцессы Элии. Вот только имени богини возмущенный Элегор произнести был не в силах, и как мысленно, так и вслух именовал ее исключительно «эта стерва» и «леди Ведьма».

Герцог не знал, убрался ли уже проклятый вампир из будуара, но в данный конкретный момент сумасбродному богу было решительно наплевать, в чьем именно обществе пребывает принцесса, он не собирался считаться ни с одним из ее посетителей, будь это хоть Лимбер, хоть Повелитель Межуровня, а пусть даже и сам Творец. Ворвавшись в будуар, Элегор сердито заорал:

– Леди Ведьма?!

Принцесса, только-только расставшаяся с Энтиором и как раз собиравшаяся к Злату в Межуровне, чтобы совместными усилиями окончательно обкатать гениальный план развешивания лапши на ушах Верховного маршала Темного Братства, насмешливо улыбнулась и, отняв руки от зеркала, иронично спросила:

– Куда это вы так торопились, герцог? Неужели передумали насчет забав с Энтиором? Вот только его высочество уже успел удалиться... но, полагаю, ради вас он изволит вернуться.

– Да пошел твой братец-извращенец... Чтoб ему клыки и что пониже навсегда отшибло, – ругнулся герцог, борясь с желанием вновь харкнуть на белоснежный ковер, и категорически потребовал: – У меня дело к тебе. Верни Лейму рассудок, стерва!

– Видишь ли, дорогой, – чуть приподняв тонкую бровь, с наставительной мягкостью начала принцесса, мигom сообразив, с чего ее приятель так взбеленился. – Чтoбы что-то вернуть, сначала нужно это забрать, а я – могу тебе поклясться – ни рассудка, ни иных метафизических частей личности моего кузена не заимствовала. Мне и своих хватает, иногда даже, если честно, чересчур!

– Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! Хватит насмехаться! – заорал Элегор, горько сожалея о том, что богиня не мужчина, которого можно вызвать на дуэль или просто навешать ему хороших тумачков.

– Элия! Элия! Не слушай его! – перекрывая сердитый вопль герцога, закричал возбужденный и испуганный Лейм, влетая в будуар принцессы.

– Вот видишь, что ты натворила! Совсем сбрендил! Вправь ему мозги, леди Ведьма, или я за себя не отвечаю! Давай, стерва! – наставив на принцессу палец, пуще прежнего взъярился герцог Лиенский, отталкивая принца как неразумное, но капризное дитя, и с досадой бросил ему: – Помолчи пока!

Умница и тихоня Лейм, услышав, как Элегор в очередной раз оскорбляет прелестную богиню и требует от нее того, чего принц боялся пуще смерти, тоже разъярился и, проявив истинно лоулендский взрывной темперамент, бросился на друга:

– Сам заткнись!

Крепкий кулак Лейма заехал Элегору по скуле, не оставшийся в долгу герцог двинул другу в челюсть, и мужчины, сцепившись в яростных объятиях, покатались по белому ковру, рыча от злости, мутузя друг друга, пинаясь и сопя. Кажется, в какой-то момент потасовки они даже забыли о самой причине драки. Жалобно хрустнули ножки столика, когда Лейм с разгона впечатал в него Элегора, зашаталась вешалка, в которую принц попытался вбить противника, едва не опрокинулся столик трюмо с многочисленными баночками, пузырьками, расческами и коробочками, отлетел к стене словно бы выпущенный из пращи пуфик.

Не снеся зрелища погрома в любимом будуаре, Элия хлопнула в ладоши так, что звук отдался эхом от стен и ударил по барабанным перепонкам драчунов хорошей оплеухой. Сила заклятия колдуньи подкинула двух худощавых, но довольно рослых мужчин³, словно шкодливых щенят, и пришила их к настенным шпалерам оригинальными брошами. Убедившись, что чары надежно сдерживают драчунов, Элия рявкнула тоном Нрэна, отдающего приказ на ратном поле:

– Хватит!

Элегор сердито засопел, дернулся для порядка, проверяя заклятие на прочность, и остался в том же положении зависания. Бог сообразил, что случись ему освободиться, он совершенно не будет знать, что делать дальше (редкое для шального мужчины состояние). Не драться же снова с Леймом? В тишине, нарушаемой лишь дыханием разгоряченных потасовкой мужчин, богиня процедила:

– Вы, как я погляжу, сегодня в ударе, герцог, то с принцем Энтиором обжимаетесь, то Лейма по ковру валяете. Но при всей моей снисходительности к потребностям плоти, портить обстановку не позволю. Герцог, пошел вон, пока я не вызвала стражу! А с тобой, Лейм, я побеседу наедине.

Закончив нотацию, Элия развеяла чары-путы. Мягко, как кошка, приземлившись на ковер, герцог встряхнулся, машинально потер расквашенный нос, разбитую скулу и, стараясь не глядеть на Лейма, вышел из покоев принцессы.

³ Средний рост богов Лоуленда в пересчете на единицы измерения мира Земля порядка 190 сантиметров.

Элегор счел, что сделал для друга все, что мог, теперь оставалось только надеяться на то, что Элия способна вернуть кузену ясность рассудка, помраченного безнадежной страстью. После спонтанно вспыхнувшей драки с обыкновенно выдержанным, терпеливо сносящим все сумасбродные выходки герцога Леймом, самоуверенный бог неожиданно четко осознал собственное бессилие и понял: если другу не сможет помочь богиня любви, значит не поможет никто. Утверждать, что дворянину стало совестно за разгром, учиненный в будуаре принцессы, было бы сильным преувеличением, но что-то на задворках души бога скреблось и царапалось. Элегор почувствовал настоятельную потребность приглушить это ощущение парой бокалов крепкого лиенского вина.

Когда герцог вышел, Элия указала освобожденному Лейму на кресло, каким-то чудом не задетое в драке, и одним простеньким жестом активировала заклятие наведения порядка, устранившее следы разрушений. В той же тишине принц, ярко-розовый от неловкости и стыда за свое грубое поведение, сел на краешек кресла, постарался запахнуть разорванный жилет и опустил голову. Ему очень хотелось попросить у принцессы прощения, но страх перед немилостью кузины оказался слабее другого страха, продиктовавшего юному богу иную линию поведения.

Набравшись смелости, зеленоглазый бог романтики поднял голову и, набычившись, объявил ультиматум:

– Я не позволю тебе забрать!

– Что именно? Кошелек, часы, перстень-печатку? Я похожа на грабителя с большой дороги? – рассмеялась богиня, с легким скепсисом разглядывая юного родственника, изображавшего из себя статую воплощенного упрямства (чувства, типичного для богов Лоуленда, тем более для детей принца Моувэлля). – Уж не стукнул ли тебя герцог слишком сильно, малыш? Если отшибло память, напомню, у меня нет намерения шарить в твоих карманах. Это привилегия Джея.

– Не называй меня малышом, я уже давно не ребенок, кузина, и говорю я о другом, – не меняя интонаций, продолжил упорствовать агрессивно настроенный Лейм, нервно сцепив руки в замок.

– Что ж, поговорим «о другом», мой дорогой, – храня на губах легкую улыбку, принцесса зашла за спину Лейма и легко притянула юношу к спинке кресла.

Положив руки ему на лицо, богиня принялась ощупывать синяки. В первый миг принц едва сдержался, чтобы не зашипеть от боли. Преизрядных тумачев друг надавал ему от чистого сердца. Но очень быстро под прохладными пальцами Элии ноющая кожа успокоилась, по ней побежали бодрые мурашки целительной магии. Наслаждаясь прикосновениями любимой женщины, Лейм поостыл и с опасливым вниманием прислушался к ее словам.

– Так вот, давай будем говорить «о другом», но лишь вскользь, поскольку это «другое» сугубо твое личное дело, и вмешиваться я не намерена. Можешь не опасаться. Ты, хоть я по привычке и называю тебя малышом, действительно взрослый мужчина, способный самостоятельно выбирать путь. Я не имею ни права, ни желания указывать тебе его, тем паче прокладывать за тебя дорогу или вести по ней за руку. Я по праву старшей сестры и богини смежной профессии только позволю себе вольность и дам пару советов молодому коллеге, надеюсь, ты сочтешь их хоть сколько-нибудь заслуживающими внимания, – с мягкой настойчивостью промолвила богиня. – Веришь ли, родной, что я не желаю тебе зла?

– Конечно. Прости меня, Элия, я не хотел быть грубым, – счастливый уже от того, что о его любви знают и позволяют ему хранить ее в сердце, тихонько вздохнул Лейм, осторожно касаясь рук кузины, невесомыми птицами легших ему на плечи, – не хотел обидеть тебя, а тем более устраивать драку в твоих комнатах. Но я так рассердился и испугался, что совершенно перестал владеть собой. Нрэн бы, наверное, меня по старой памяти высек.

– Нрэну следовало бы для начала самому научиться держать себя в руках, а уж потом воспитывать всех и вся, – фыркнула Элия, вспоминая разбитую несколько дней назад дверь. – Я не сержусь на тебя, милый. Богам свойственны яркие эмоции и переживания, их чувства так неистовы, что сожгли бы в пепел обычного человека. Но даже среди богов есть те, кто соотносительно своей внутренней сути нуждается в столь сильных и глубоких чувствах, что непосвященным они кажутся опасными для телесного и душевного здоровья. Боги романтики – одни из таких. – Элия вела разговор без снисходительности, но бережно, чтобы не обидеть молодого кузена, пальцы ее ласкали лицо юноши, ворошили его черные волосы, массировали плечи. – Тебе необходимо объяснить это Элегору. Я неоднократно пыталась поговорить с ним, но без толку. Думаю, к твоим словам, сказанным не с пылом безрассудства, а со спокойной рассудительностью, он будет более восприимчив. Верная дружба – одно из самых дорогих сокровищ в нашей Вселенной, утратить ее так просто, а обрести вновь нелегко. Ваши отношения с Гором – истинное мужское товарищество. Вы сможете выслушать и понять друг друга.

– Я сделаю это, Элия, – кивнул Лейм и добавил с кривоватой обаятельной улыбкой: – Мне и перед ним неловко за эту драку. Но, честное слово, я до сих пор уверен, что Гор заслужил свои синяки.

– О, а разве я возражаю? – рассмеялась принцесса, чмокнув кузена в теплую макушку. – Мне и самой частенько хочется его стукнуть побольнее, если уж не прибить, как мечтает большая часть Лоуланда и его окрестностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.